

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЧЕРНАЯ МЕТКА
В ПАСПОРТЕ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Черная метка в паспорте

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Черная метка в паспорте / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-191265-9

В крупном южном городе орудует брачный аферист. Он раз за разом женится на богатых женщинах, после чего забирает их имущество и тут же бросает своих жертв. Казалось бы, никакого криминала, но только до тех пор, пока обманутые жены не стали... погибать при странных обстоятельствах. Полковник МВД Лев Гуров пытается выяснить, причастен ли к этим смертям коварный жиголо. Однако в последний момент задуманный Гуровым план неожиданно рушится. Черда новых трагических событий подтверждает предположение сыщика: в этом деле самое опасное еще впереди... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191265-9

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Черная метка в паспорте	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Леонов, Алексей Макеев

Черная метка в паспорте

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Черная метка в паспорте

Она мучительно хватала ртом воздух, раскрывала все шире и шире рот, чтобы вдохнуть хоть каплю кислорода. Пальцы со свежим розовым маникюром скребли землю в предсмертных судорогах. Грудь под шелковой блузкой вздымалась тяжело, выгибаясь все сильнее. Воздух, глоток воздуха!

Но аккуратно покрашенные бежевой помадой губы раскрылись, оскалили белые зубы в последней беспомощной попытке. Дышать! Дышать!

Туфелька слетела с дергающейся ноги, уткнулась лаковым носиком в грязный ил. Вторая повисла на кончике женской ножки без движения. По телу прошла последняя волна судорожной дрожи. Горло шевельнулось, напряглось тугой трубой. Вдох! Всего лишь вдох!

И все обмякло, тело стало грузным, безвольным мешком. Желание дышать, что выкручивало секунду назад все конечности, разрывало грудь, вытекло, словно незаметное облачко. Осталась лишь мертвая оболочка. Которая сейчас была нелепым предметом, случайно оказавшимся в зарослях леса. Густая чернота болотной жижи, темная зелень еловых лап слились в страшную пустоту, на которой розовели аккуратные ноготки, отливала жемчугом строгая офисная блузка. Сухие ветки сплелись с золотистыми прядями, а мох осторожно трогал шелк тугих чулок на раскинутых ногах.

Пинок! Нога в кроссовке ударила по мягкому бедру под нежной тканью задравшейся юбки. Мертвая женщина свернулась в калачик от удара, вошла холеными руками в вонючую жижу, и с чавканьем болото засосало ее. Тихое хлопанье, и холодная вода навсегда сомкнулась над красивым лицом.

Глава 1

Генерал Петр Николаевич Орлов, начальник отдела уголовного розыска Главного управления Министерства внутренних дел России по городу Москва, мучительно подбирает слова:

– Поаккуратнее там, Лев Иванович. Как ты умеешь, без шума и пыли. Сам понимаешь, дело деликатное – чужая земля, свои порядки. Оперотдел – всегда секретка, у каждого опера свои скелеты спрятаны. Информацию по делу «вечного жениха» соберешь – и сразу мне доложи. Расследование на контроле у министра из-за шумихи в прессе. Ты и сам слышал, уже и передачу сняли, во всех газетах пропечатали, все полицию ругают. Такую бучу подняли, пишут и пишут про женщин этих. Журналисты, ты знаешь, горячие темы любят, каждую подробность раздуют и со всех сторон, – генерал повертел руками, переворачивая невидимый предмет. Слов ему не хватало от возмущения, которое горячим комом встало поперек горла. Обиды за грязь, что лилась на его коллег и на его профессию, которой отдано столько лет службы.

По его сдвинутым бровям и потяжелевшим складкам на лице Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, сам понял, что начальник отдела недоволен новым заданием – командировкой одного из лучших сотрудников убойного отдела в Ростов-на-Дону. Как обычно, случилась она не вовремя и не по желанию Орлова. Именно когда новые дела множатся, как снежный ком, а сотрудники разбежались в долгожданные весенние отпуска, генерал вынужден по особому распоряжению министра потерять еще одного опера из-за шумихи в СМИ. Отправить лучшего из розыскников в помощь местному РОВД – такое распоряжение было озвучено во время телефонного разговора. Петр Николаевич понимал, что спорить и рассказывать о дефиците кадров бесполезно. МВД – структура силовая и держится, как армия, – на строгой дисциплине. Остается только надеяться, что Лев Гуров быстро разберется с преступником благодаря своим способностям сыскаря и опера, пускай даже и на чужой земле, где могут царить другие порядки.

Орлов снова кинул взгляд на список работников своего отдела, который час назад распечатала секретарша Верочка, и вздохнул опять тяжело:

– Без помощника придется справляться, Лев Иванович. Никак тебе не могу напарника выделить. Крячко в отпуске еще неделю, а молодых не хочу отправлять. Участок чужой, осторожно надо действовать, присмотреться, что там и как. Просто так не пошлют столичных оперов. Называют помощью, а по факту – проконтролировать надо, направить.

Лев Иванович Гуров успокаивающе кивнул в ответ:

– Вас понял, товарищ генерал! Есть – действовать аккуратно, приказ ясен, – и тут же продолжил менее официально, теплым голосом: – Петр Николаевич, соберу информацию и вам сразу доложу. Обсудим, со стороны решите, что необходимо. Без вашего слова никуда. Дальше будем действовать по обстановке.

Новый протяжный вздох пронесся по генеральскому кабинету над огромным полированным столом, за которым проходили ежедневные совещания оперативного состава.

– Ладно, ладно, – Петр Николаевич сдвинул от себя пухлую папку. – Подробности все в деле, тебя уже ждут в Ростове. Билет у Веры в приемной заберешь. Жду доклада завтра вечером, после прилета несколько часов тебе на разбор ситуации сложившейся. В протоколах этого нет, но скажу тебе так. В качестве подмоги тебя вызывают из-за жалоб пострадавших, они считают, что расследование затягивают. Так что ты там уж разберись и доложи мне, как все на самом деле.

Гуров кивнул в ответ, коротко попрощался, пристроил копию уголовного дела под мышку и направился в свой кабинет. По пути его перехватила деловитая Верочка и вручила билет на самолет. Не успела она закончить, как медэксперт поймал Гурова в коридоре и начал

рассказывать одну из десятков своих замысловатых историй, сдобренных щедро черным юмором человека, работающего с трупами.

Объяснения секретарши, приветствия коллег в коридоре управления стали фоном для единственного вопроса – с чего оперу начать командировку в южный город? Про резонансное дело Сергея Афанасьева Лев Иванович Гуров уже слышал. Об аферах любвеобильного мужчины гудели газеты, новостные интернет-порталы и криминальная хроника по телевизору. Шустрые журналисты уже окрестили фигуранта звучным прозвищем – «вечный жених», с каждым днем добавляя все больше и больше драматичных подробностей о его амурных похождениях. Даже Мария, его жена, не осталась в стороне от бурных обсуждений. Буквально недавно в выходной день она вечером после ужина при виде лица с широкой обаятельной улыбкой на экране телевизора возмущенно стукнула кулачком по подлокотнику дивана:

– Ты посмотри, у него же ни капли раскаяния на лице! Как будто сделал не подлость, а геройский поступок! – Маша развернулась к мужу хорошеньким личиком с горящими от гнева глазами. – Лев, неужели этому подлецу ничего не будет?! Ведь он обманул столько женщин! Забрал их деньги, а потом и убил веру в любовь!

Гуров осторожно взял сжатую в кулак ладошку и погладил так, чтобы пальцы расправились и расслабили свой тугой захват:

– Машенька, с точки зрения закона достаточно трудно предъявить Афанасьеву обвинение. Его жены ведь добровольно отдавали ему свои деньги, разрешали распоряжаться своим имуществом. Он совершил преступление с точки зрения нравственности, а вот семейный кодекс или гражданский его поступки не нарушают. Он обманывал, что любит, к сожалению, это вполне законно. Тем более браки были официально зарегистрированы, в нашей стране нет наказания для любителей жениться. Несчастные жены могут, конечно, потребовать свои деньги назад. Они так и сделали, написали коллективное заявление. Их спор о законности действий бывшего мужа теперь будет рассматривать мировой суд, а не уголовный...

Мария не дала ему договорить, глаза опять сверкнули, а тонкие пальцы сжали обивку дивана:

– Лева, как ты не понимаешь! В этом и несправедливость! Как будто ничего страшного не произошло, а у них вся жизнь рухнула. Эти женщины, они ведь просто были влюблены. Влюблены! Хотели замуж, семейного счастья, а получается, попались в ловушку к аферисту! Обманщик вместо принца. Они хотят защиты, помощи. Только ты говоришь, что защита им не положена, что они сами виноваты. Это бесчеловечно! Ужасно, просто кошмарно! Они же никогда больше не поверят ни одному мужчине.

Будто в подтверждение ее слов импозантный седовласый мужчина в пиджаке и очках принялся убедительно рассуждать с экрана: «Как практикующий семейный психолог могу вам сказать, что Сергей Афанасьев был идеальным партнером для своих невест. Он внимательно выслушивал избранниц, замечал каждую мелочь их внешности и одаривал комплиментами, щедро оказывал знаки внимания. Букеты, милые послания, романтические прогулки, разговоры часами и стихи собственного сочинения. Именно этого не умеют современные мужчины с их гиперболизированной маскулинностью, и именно эмоциональных поступков, проявления чувств открыто и бесстрашно, не хватает женщинам в отношениях.

Второй секрет «вечного жениха» в тщательном отборе кандидатур для женитьбы. Он выбирает с холодной головой, основываясь на определенных одинаковых критериях в будущей партнерше. Сергей Афанасьев осознанно выбирал себе на роль жены женщин, не избалованных ухаживаниями, с низкой самооценкой, средней внешности. У него есть четкие критерии отбора. Посмотрите, больше десяти избранниц за два года, у каждой ситуация как по трафарету – возраст чуть за сорок, двое или трое детей школьного возраста, неудачный брак или вдовство, при этом хорошая финансовая ситуация. Бизнес, карьера на службе или наследство, машина, несколько квартир, круглый счет в банке – это то, что привлекало Афанасьева в его

жертвах. И я использую именно это определение. Женщины пострадали как материально, так и душевно. Потому что их муж осознанно манипулировал эмоциями, влиял на их душевное, а потом интеллектуальное состояние.

Он сплетал паутину из лживых комплиментов, стихов, дешевых подарков. Вот послушайте одно из его посланий: «Моя любимая, моя душа, до встречи с тобой я не знал, что человеческое сердце может так трепетать при одной мысли о тебе. Я вспоминаю твою улыбку, нежную и ласковую, словно луч золотого солнца, и тоже улыбаюсь. Жду нашей встречи, когда смогу обнять тебя, почувствовать родное тепло, увидеть прекрасную улыбку моей королевы. Я просыпаюсь и молю время – быстрее, быстрее, считаю каждую минуту, которая приближает нашу свадьбу, миг, когда услышу твое «да». Нас ждет долгий путь. Мы пройдем его рука об руку через годы, моя любовь к тебе, горячая и сильная, осветит эту дорогу».

Психолог замер в кресле, наслаждаясь произведенным на зрителей эффектом:

– Красиво, не правда ли? Это сообщение в день регистрации брака получали все двенадцать женщин, на которых Афанасьев женился за последние несколько лет. После периода счастья в их жизни наступал ад из унижений, лжи и манипуляций. Потом паук, насытившись своей жертвой, высосав из нее все соки, бросал опустошенную бедняжку и отправлялся на поиски новой невесты.

– Вот же гадина, – по Машинному лицу текли слезы.

Лев решительно шелкнул пультом, экран погас, обрывая печальную историю без финала.

Это было позавчера, а сегодня ему придется лететь в Ростов и общаться с тем самым коварным покорителем женских сердец. Лев чувствовал неосознанно, что внутри у него растет раздражение к обвиняемому. Хоть и уговаривал он недавно жену не реагировать так тяжело на эту историю, принимать рационально все обстоятельства, но и сам не мог справиться с негативным настроением в отношении мужчины. Головой опер четко осознавал, что непрофессионально, неправильно испытывать раздражение к подозреваемому, и все равно не смог сдержать злости, когда взялся по дороге листать дело – тугую пачку протоколов, где за черными строчками притаилась общая трагедия десятков женщин.

Тяжелый кирпич документов в картонной оболочке Лев Гуров изучал всю дорогу к аэропорту, в ожидании посадки, а потом на протяжении полета в самолете. Оторвался сыщик от нового дела лишь на несколько минут для разговора с женой, ей он рассказывать о новом задании не стал. Интуитивно понял, что известие об его участии в тяжелом расследовании может расстроить Марию снова. А та лишних вопросов не задавала, много лет семейной жизни с оперуполномоченным научили интуитивно чувствовать определенную грань, за которой ее милый и заботливый муж Лев превращался в матерого и упорного в поиске преступника сыскаря Гурова.

Самолет мягко взлетел, буквально через пару часов пошел на снижение. Этих действий увлеченный чтением сыщик не замечал, жадно впитывал каждую букву сухих официальных строчек.

В аэропорту опера ждала неожиданность – его встречали. Невысокий широкоплечий мужчина в легкой ветровке дружелюбно кивнул и протянул крепкую ладонь:

– Полковник Гуров? Я – майор Сладкевич, можно Павел. Веду дело Афанасьева с недавних пор. Мне сообщили о вашем прибытии, вот решил сам встретить вас, помочь разместиться, – мужчина указал на выход из аэропорта. – Так сказать, южное гостеприимство. Отвезу вас в гостиницу хорошую, по дороге доложу по ситуации.

– Хорошо, спасибо, – Лев ответил на рукопожатие, хотя не рад был ни встрече, ни такой заботе, а к новому знакомцу отнесся настороженно.

Чужая территория всегда полна невидимых преград, поэтому так не любил опер работать на «чужой земле», как называли опера на своем сленге закрепленные не за ними территории района, города или области. На новом месте, где сначала еще надо разобраться, кто из

коллектива занимается сыском и борется с преступностью, а кто лишь штампует отчеты для начальства с нужным количеством «палок», всегда неуютно. Оперативные работники часть информаторов, сведений, методов работы вполне официально имеют право держать в секрете, такая у них работа. Без строгих регламентов и четких инструкций, у преступности одинаковых схем не бывает.

Приезд московского гостя, тем более сейчас, взбудоражил местечковые отделы уголовного розыска, ведь обозначал визит всегда одно: прислали подмогу, потому что не справляетесь сами. А дальше только жди нагоняев, увольнений да выговоров. Поэтому так не понравилось Гурову южное гостеприимство, повышенное внимание. Он увидел в нем желание ублажить заранее высокого гостя, чтобы тот прикрыл глаза на ошибки или откровенные нарушения в работе. Но в голосе у майора Сладкевича не звучало и грамма подхалимства, он уселся за руль и сразу начал лаконично излагать обстоятельства дела:

– Свидетелей много, пострадавших больше десятка, они написали коллективное заявление в прокуратуру. По аферам Афанасьева куча доказательств. Передачу денежных средств, недвижимости он по уму оформлял, через нотариуса. Не подкопаться. Состав преступления как такового нет. Все было добровольно, права на имущество, денежные средства пострадавшие по собственному желанию передавали преступнику, при этом они еще и в законном браке состояли. Так что Афанасьева еще неделю назад отпустить пришлось. Дело со всеми эпизодами готовили к закрытию и передаче материалов в мировой суд для разбирательства уже между собой. Хотя журналисты еще не пронюхали это и не подняли опять крик до небес. Но мы-то тут ни при чем, сделали все, что смогли. Я его под домашний арест закрыл и всеми правдами-неправдами продлеваю. Уже выговор схлопотал за нарушение сроков.

Гуров не удержался и передернул плечами – все, как он и предполагал. Аферист нашел прореху в законодательстве и почти вышел сухим из воды, вернее, выйдет, если мировой судья не найдет оснований, чтобы принять решение о возврате денег и компенсации пострадавшим женщинам. Правда, со всеми этими юридическими тонкостями газетчики разбираться не будут, гораздо проще обвинить по всем некомпетентную полицию, которая не смогла найти управу на «вечного жениха» и защитить его жертв. Раздражение спутника Павел принял на свой счет, решив, что приезжий опер недоволен его нерасторопностью:

– Товарищ полковник, вы не подумайте, что мы тут у себя работать не умеем. Все оперативно-следственные мероприятия провели, каждый шаг Афанасьева проверили. Я сам это дело получил недавно, как только его освободили из изолятора. Постарался хотя бы под домашний арест его усадить до окончания следствия.

– Почему сменился оперуполномоченный в деле?

– Майор Бережнюк на повышение пошел, стал начальником нашего отдела, – коротко пояснил его спутник.

Лев еле удержался от нового раздраженного движения плечом. Ну вот, началось перекладывание ответственности друг на друга, и в этом болоте не найти крайнего, который пропустил важные обстоятельства дела или разрешил преступнику выйти из СИЗО. Ничем хорошим даже домашний арест не закончится, опытный опер уже сталкивался с такими ситуациями – свидетели отказываются от своих показаний, напуганные нависшей угрозой, дело разваливается, так и не оказавшись в суде. Сейчас, конечно, он постарался скрыть свою досаду. В данный момент важнее понять, что же скрывается на чужой земле за этим радушным гостеприимством.

Полковник Гуров продолжил задавать короткие вопросы:

– Один проживает Афанасьев под домашним арестом?

Сладкевич покачал головой:

– Проживал, он снова под арестом. Я его закрыл в СИЗО, нашелся повод перевести в статус подозреваемого. Двое суток назад обратилась мать одной из потерпевших, Рыковой Людмилы. Ее дочь, бывшая жена Афанасьева, пропала без вести. Рыкова не вернулась с работы

вечером, телефон у нее отключен. Через сутки нашли ее машину, брошенную в пригороде, следов крови или борьбы в салоне нет. И все-таки я принял решение снова изменить меру пресечения для Афанасьева. Закрыв его в СИЗО, он – главный подозреваемый в ее исчезновении.

С Рыковой, собственно, дело его и началось. Людмила – женщина энергичная, после того как поняла, что ее обманули, терпеть и молчать не стала. Она первая обнаружила, что ее муженек врет на каждом шагу. После развода с ним заподозрила, что таких, как она, обманутых невест, может быть много. Рыкова развила бурную деятельность, нашла остальных пострадавших женщин и убедила их обратиться коллективно в органы с заявлениями. От Людмилы как раз вся информация по расследованию аферы уходила журналистам. Они пока еще не знают об исчезновении женщины, но как только пронюхают, крик до небес поднимется. – Павел вдруг совсем по-простому пожаловался: – Давят на нас по-страшному, общественники проводят пикеты возле «убойного» и у прокуратуры. Вот и до Москвы дошла волна. Я вот, ну, товарищ полковник, землю носом рыть готов, да непонятно, в какую сторону-то. Чего делать? Доказательств вины Афанасьева нет. Ни следов, ни тела, у него алиби железное на тот день. Дома был, под домашним арестом с браслетом, – он неловко вывернул руль одной рукой и припарковал машину рядом с аккуратным белым зданием. На оперативников приветливо смотрели сияющие окна в обрамлении лаконичных жалюзи. – Ну вот, прибыли, гостиница «Южная». Вы заселяйтесь, потом я вас в наш РОВД отвезу. Или перекусить хотите после дороги?

Во время доклада Гуров старался незаметно оценить своего спутника. Тот выглядел обычным крепким опером среднего уровня, который привык действовать где надо головой, а где надо – и крепкую руку мог приложить. Лев искал в нем признаки лицемерия или страха, но не находил, мужчина и правда переживал из-за так стремительного рухнувшего расследования, в котором он не мог обнаружить зацепки для доказательства вины Афанасьева. Полковник предложил:

– Давай-ка я вещи закину в номер и пообедаем где-нибудь поблизости. Ты мне расскажешь, что по пропавшей Рыковой успел найти. Время еще есть, можно вашего любителя жениться и под стражей подержать.

Павел радостно закивал, заспешил к багажнику с вещами. Пока он шел, Гуров обратил внимание на то, как неестественно согнута левая рука у его спутника. И пока они поднимались по широким ступеням крыльца, полушутя поинтересовался:

– Что за беда с рукой, бандитская пуля?

Сладкевич вдруг залился краской, махнул рабочей рукой:

– Не поверите, только эта шутка на самом деле – правда. Подстрелили еще год назад во время рейда, с тех пор не восстанавливается конечность до конца. Нервы задеты оказались. Я уже привык, – Павел указал на зал за стеклянными дверями в холле. – В кафе вас подожду, пока закажу обед. Цены здесь не кусаются, а наше РОВД через один квартал. Всех командировочных здесь размещаем, удобно.

– Спасибо. – Лев поблагодарил мужчину и зашагал к стойке, где ему уже радушно улыбалась администратор в белой блузке.

Он вписывал свои данные на бланки, кивал в ответ на дежурные вопросы. Самому уже не терпелось как можно быстрее окунуться в протоколы, лично выехать на место, где был обнаружен автомобиль пропавшей женщины, опросить родных Рыковой. Слишком простая история, у нее наверняка должно быть двойное дно. Уже в лифте опер осадил сам себя – не торопись, сначала нужно осмотреться, собрать информацию, доложить Орлову, как и обещал. А потом уже вместе с ним принимать решение, как действовать дальше.

Поэтому, наспех побросав одежду в шкаф, Лев поторопился вниз к ожидающему его майору. Сейчас лучше всего в непринужденной атмосфере расспросить мужчину как следует. В его памяти может быть масса деталей, важных для следствия, но не зафиксированных в официальных протоколах. Им часто приходится как слепым собирать все подряд во время

оперативных мероприятий. Только потом в кабинете, обдумав все, удается выудить из моря бесполезных сведений важные крупинки, которые расскажут истинную схему преступления.

Сладкевич, видимо, ободренный тем, что московский опер не устроил взбучку и разбор полетов, ждал его за щедро накрытым столом. Он охотно рассказывал обо всем, что успел сделать за неделю работы над делом. Рассказ свой он перемежал щедрыми кусками котлеты с большой тарелки:

– С Афанасьевым мы каждый день беседы беседовали. Когда под протокол, а когда и так, без лишних бумажек. Умный мужик, поговорить есть о чем. Я лично каждый день с проверкой приезжал к нему на квартиру, хотя уфсиновцы должны за ним смотреть, да и браслет на ногу каждый шаг показывает. Сергей о своих женитьбах охотно рассказывает, только все по-другому у него звучит, не как в протоколах. Что, мол, просто не везет в любви. Посмеивался надо мной, не зло, по-доброму, что подставили меня под это дело, как под каток.

– Почему же? – со стороны казалось, что Гуров больше увлечен содержимым тарелки, чем рассказом местного опера. На самом деле он ловил каждое слово и жест мужчины напротив.

– Да... – Павел отмахнулся от вопроса, но на лице его застыла досада. – Это тут уже наши местные разборки. Не хочу я жаловаться, работа есть работа. По-разному бывает на оперской службе.

– Угу, – неопределенно отозвался Лев Иванович и, довольный, отодвинул пустую тарелку. – По Рыковой давай подробности. Что успели сделать?

Сладкевич, казалось, обрадовался возможности сменить неприятную тему и деловито начал докладывать в привычной официальной манере:

– Мать Рыковой обратилась с заявлением напрямую ко мне, пришла рано утром сразу после исчезновения дочери. Людмила работала в банке, график нормированный, обычный – до шести вечера. Живет пропавшая с дочерью. Мать приехала к ней в гости пару месяцев назад, чтобы сидеть с внучкой, пока Рыкова занимается судами, интервью дает. Если дочь задерживается по делам, то всегда предупреждает мать, где и с кем будет. Собственно, вся ее жизнь – либо работа, либо встречи с другими потерпевшими, юристами, журналистами по делу Афанасьева.

– Друзья, любовник, хобби?

Павел покачал головой:

– Ничего. Афанасьев во время брака забрал все ее сбережения, которые она делала, чтобы купить дочери квартиру, и плюс пять миллионов кредита в банке. Так что ничего, кроме мести ему, женщину не интересовало. Она ненавидела бывшего мужа за обман и огромные долги, поэтому все свое свободное время посвятила тому, чтобы доказать вину Сергея.

– Ей это удалось, – отметил Лев. – Общественный резонанс вызвать получилось.

Павел согласно кивнул головой:

– Рыковой бы хотелось, конечно, большего. Хотя навредила она ему как следует. Даже если Афанасьев избежит проблем с правосудием, то свой жениховский бизнес точно продолжать не сможет. Его лицо и фамилия на всех каналах побывали, так что теперь писать стихи и клясться в вечной любви новой невесте не получится.

Гуров молчал, обдумывая сложившуюся ситуацию. Майор продолжил рассказывать, бросая осторожные взгляды на задумавшегося москвича:

– После заявления матери мы опросили коллег, записи с видеокамер проверили, поговорили со всеми, с кем она могла бы поехать на встречу. Только на этот день ничего у Рыковой не было назначено, так как она собиралась проехаться по магазинам за подарком для дочери. У той был день рождения на следующий день. С парковки машина выехала в восемнадцать десять, как обычно. На камерах видно, что Людмила в машине находится одна. С тех пор ее никто не видел, автомобиль через сутки сотрудники ГИБДД обнаружили брошенным на сельской дороге в пригороде. Эксперты с ним еще работают, но предварительно никаких следов

борьбы или крови не найдено. Телефон не нашли, тело тоже. Пока висит в потеряшках. Сегодня третьи сутки, как она пропала. Утром, когда пришла мать, я сразу отдал приказ отправить Афанасьева обратно в СИЗО.

– Думаешь, это он?

На этот вопрос Павел вдруг сжал рабочую руку в кулак:

– Товарищ полковник, ну а кто еще? Рыкова же ему сломала такой бизнес, хотела все деньги отнять через суд обратно. Доказательств нет, уж сильно хитер этот Афанасьев, но я разрабатываю версию, что это сделал он. Он служил в армии радистом, сначала по призыву, потом остался еще на три года по контракту. Так что вполне мог с электронным браслетом разобраться. Понимаю, что это все косвенные улики. На суде они не сработают, поэтому говорю – готов землю рыть, сутками работать, знать бы еще, как его прихватить, свидетелей найти. Даже если найдут его следы или отпечатки в машине, защитник отмажет. Афанасьев жил с Людмилой, пользовался ее авто, могли сохраниться биологические следы. Волосы, отпечатки пальцев, следы обуви. Нужно искать прямые доказательства его вины – труп, орудие убийства, а мотив у него о-го-го.

Вид у опера был такой расстроенный и одновременно боевой, что Гуров усмехнулся про себя – не он один горит своей работой. Вслух же уточнил:

– Зачем вообще его отпустили под домашний арест, если была информация, что подозреваемый имел дело с электроникой?

Сладкевич внезапно снова замялся и неловко начал составлять в стопку пустые тарелки покалеченной рукой. По насупленным бровям и плотно сжавшейся полоске губ стало понятно, что на вопрос отвечать майор не собирается. После нескольких секунд неловкого молчания Павел предложил:

– Товарищ полковник, нам пора в отдел. Меня начальство ждет с докладом по проделанной работе насчет Рыковой. Афанасьеву надо или обвинение по ней предъявить, или отпустить. Пять минут позора – и освобожусь. После пятиминутки я весь ваш, сможем договорить. Вы что планируете на сегодня? После дороги отдохнуть или сразу в бой?

Лев не сводил внимательного взгляда с посуровевшего лица собеседника – скрывает что-то его ростовский коллега, темнит. От пристального внимания майор ссутулился, втянул в плечи голову и пробормотал:

– В машине вас жду.

Гуров кивнул молча, а потом проводил глазами до выхода из кафетерия фигуру с неловко висящей вдоль туловища рукой. Не зря его сюда отправили, есть какое-то подводное течение в этой, на первый взгляд чистой, реке. Он всего несколько часов на чужой территории, а сопровождающий его сотрудник то и дело замолкает, отводит взгляд, не желая обсуждать чужие тайны. Только скользкие темы связаны не с личным интересом или семейными событиями, а с преступлением. Молчание означало лишь одно – прав генерал, рядом подводные камни, причем в таком количестве, что начинаешь с ними сталкиваться с первых же минут.

Глава 2

По дороге ответы Павла становились все более отрывистыми и короткими с каждым метром, что приближал их к серому скучному зданию местного РОВД. Стандартная постройка в три этажа, где по крыльцу снуют люди в форме. При виде Сладкевича в сопровождении незнакомца дежурный за стеклом подскочил и торопливо отдал честь перед тем, как нажать кнопку разблокировки двери. Еще один «звоночек» – ждали и ждут в напряжении появления московского гостя, мысленно утвердился в своих догадках Лев Иванович. Они оба с местным опером в гражданской неприметной одежде. Он может быть обычным посетителем – информатором, свидетелем, потерпевшим, которого вызвали в кабинет на беседу. Но дежурный точно был в курсе, кто он – крутой московский опер, целый полковник, – поэтому в тревоге не знал, как ему угодить: то ли козырять высокому чину, то ли открывать перед ним дверь как можно быстрее. И не пять минут назад узнал о его приезде, потому что готовился еще дома: форма идеально выглажена, на столе ни пылинки, а заградительное стекло сияет от чистоты.

Внутри отдела за дверями кабинетов царила тишина, незваный гость заставил насторожиться всех работников. Никто не знает, на что он способен. Топнет ногой, не понравится взгляд или любая другая мелочь, и тут же прилетит выговор, а то и лишение премии. Поэтому местные сотрудники затаились в своих кабинетах, прислушиваясь к неторопливым шагам. То ли от гнетущего безмолвия, то ли после перелета и смены климата Лев вдруг почувствовал, как к горлу изнутри подкатывает дурнота, а ноги наливаются слабостью. Перед дверью кабинета с новехонькой, блестящей медными отливами, табличкой «Майор Бережнюк А. Ю., начальник оперативного отдела» он коснулся рукава спутника:

– Я сейчас, пару минут, – и зашагал в конец коридора к дверям, за которыми скрывался туалет.

За тонкой дверью Лев сунул ладони под вялую струйку тепловатой воды, провел мокрыми ладонями по лицу и подождал, пока уляжется черная обморочная волна внутри. Хотя перед глазами по-прежнему все плыло, от каждого движения мир и предметы вокруг теряли четкие очертания, качались, словно в зыбком сне. Опер умылся еще несколько раз, резко охлопал лицо, чтобы привести себя в чувство, а потом с трудом заставил себя дойти до кабинета начальника оперативников. Через тонкую щель доносилось шипение возмущенного низкого голоса:

– Ты, придурок, какие у тебя основания для изменения меры пресечения? Ты ничего не нарыл, пока он в изоляторе парился. Ни одной улики, Сладкевич! Ни тела, ни вещдоков, ни свидетелей. Доказухи никакой, ни один следак под таким протоколом не подпишется. А прокуратура мне шею намылит, не тебе, идиоту! Эта Рыкова могла просто загулять с очередным любовником, с подружками уехать куда-нибудь. Я лично мать ее видел, у нее же с головой не в порядке. Отказную делайте по ее заявке и занимайтесь работой уже. Полезешь к Афанасьеву, его адвокат побежит снова рассказывать о полицейском беспределе по всем газетенкам. У него бабки есть, нанял себе московского юриста. Целую свору! Из Москвы опера прислали для проверки из-за этой возни, а ты тут такое вытворяешь! Хочешь вылететь из органов?

Молчание начальника только раззадорило. Он прислушался, не идет ли московский опер, и продолжил шпынять своего подчиненного:

– Или что, Павел, подставить меня решил? Специально устроил тут цирк с задержанием, чтобы перед Москвой выслужиться! Я тебя знаю не первый год и все твои приемчики выучил. Не получится, так и знай. Пороху не хватит!

В ответ Сладкевич с приглушенным упрямством в голосе возразил:

– Сам виноват, что Москва полезла в это дело. Не надо было его отправлять под домашний арест, когда ты Афанасьевым занимался. Посидел бы в изоляторе до суда, тогда женщины

бы не пропали. Ты, Толя, дров нарубил сам, а теперь в начальство пролез и моей шкурой прикрываешь свои косяки.

В ответ зазвенел хриплый визг:

– Ах ты, инвалид чертов. Не Толя, а Анатолий Юрьевич. Нашелся тут дружок безрукий. Я для тебя – господин майор. Запомни, друзьями-приятелями мы с тобой были когда-то. Только сейчас дорожки разошлись. Я – да, добился много чего, теперь вот и отделом руковожу. А ты, ты... сказал бы спасибо, что я тебя не списал из-за руки, дело доверил!

Сладкевич почти прошептал, хотя даже в его шепоте была слышна тихая ярость:

– По твоей вине рука у меня не рабочая. Тебя прикрыл, идиота, когда ты полез без группы захвата, чтобы себе все медали собрать. А теперь вот так ты, да?

Бережнюк рывкнул чуть тише:

– Знаю без тебя, поэтому и держу в отделе. Так бы давно к старухам в архив сослал, тебе там место, а не в оперском. Будешь напоминать, так и сделаю, чтобы не зудел лишнего.

За спиной Гурова неожиданно раздался мягкий женский голос:

– Извините, вы к начальнику на прием последний? – невысокая изящная девушка с коротким ежиком черных волос требовательно ожидала ответа.

Лев совсем не слышал ее шагов по коридору, поэтому только покачал головой отрицательно. Люди в кабинете испуганно затихли от звуков в коридоре, кто-то смущенно кашлянул, и дверь резко распахнулась. На пороге в начищенном парадном мундире возник мужчина средних лет. Отвислый живот над ремнем, тяжелая челюсть и кустистые брови над набрякшими глазами делали его похожим на грозного бульдога. Он натужно улыбнулся бледному Гурову и пошире распахнул дверь:

– Здравствуйте, господин полковник. Майор Бережнюк, начальник отдела. Проходите в кабинет, проведем совещание по проведенным мероприятиям. Начнем, так сказать, сотрудничество.

Девушка внезапно опередила оперативника, она ловко проскочила вперед и вытянулась в струнку на пороге, задрав голову на высокую фигуру:

– Вы ведете поиски убийцы Людмилы Рыковой? Уже столько женщин пропало, Афанасьев открыл охоту на своих бывших жен! Почему вы бездействуете?

Бережнюк покосился на Гурова, но сдержался, хотя в его голосе сквозило раздражение:

– Никаких комментариев, гражданка. Информация по следствию закрыта. Не мешайте, у нас совещание проходит.

Только напористую девицу не так-то легко было остановить. Она засыпала майора вопросами:

– Какое следствие? Закрыть Афанасьева в СИЗО – и все? Вы ищете Рыкову? А остальных? Вы вообще знаете, что уже три женщины, три бывших жены Афанасьева, не вернулись домой? У вас есть заявления об их пропаже? Вы ведете поиски? Найдите пропавших женщин! Что, если они еще живы?! – высокий голосок перешел на крик, по лицу посетительницы хлынули слезы.

При виде женской истерики Бережнюк скривился и буркнул подчиненному:

– Дежурного зови, пускай выведет. Как он ее вообще пропустил?! Черт знает что творится, нашли время! С ума сошли с этим Афанасьевым!

Павел неохотно поднял трубку стационарного телефона и бросил несколько отрывистых слов. Только всех опередил Лев: от вида перекошенного личика в слезах опер забыл об обещанной Орлову осторожности. Полковник Гуров мог вынести любые тяжелые сцены на своей работе. Бывалый опер привык к трупам, пролежавшим долгие месяцы, к виду крови, агрессии озлобленных преступников. Но вот женские слезы действовали на него удручающе, включали невидимую кнопку – стремление действовать немедленно, лишь бы остановить этот горький

поток. Поэтому сейчас он шагнул внутрь и встал рядом с рыдающей посетительницей. Стараясь унять дурноту, что мешала сосредоточиться, спокойно попросил:

– Давайте лучше воды предложим. Простите... как зовут вас? – он обвел кабинет взглядом. – Найдется у вас стаканчик?

Под его взглядом Бережнюк отступил в глубину пространства к большому столу и с недовольным видом начал шарить в шкафу с документами. В тишине под звуки затихающих всхлипываний забулькала вода в стакане. Девушка робко протянула руку, неловко приняла стакан и прошептала:

– Надежда. Спасибо, – принялась пить маленькими глоточками.

На пороге возник смущенный дежурный, форменная фуражка висела на затылке, по лбу катились крупные капли пота:

– Виноват, господин майор. Она удостоверение журналиста показала. Сказала, у вас эта-а-а... как ее, встреча с журналистами. Симпозиум. Я вам звонил, вы трубку не берете.

– Пресс-конференция, – тихо поправила его девушка и выдохнула. – Я правда журналист. Не ругайте вашего сотрудника. Это я виновата, обманула его. Не знала, как пройти внутрь. Пришлось врать, ведь если скажу правду, то не пустят, да и разговаривать не будут. А это важно, очень важно. Женщины, три женщины, уже пропали. Без вести. Они все – бывшие жены Сергея Афанасьева, дело которого расследуют в вашем отделе. Понимаете, остальные девушки, которые подписали заявление, в опасности. Исчезнувших надо искать, срочно! Ведь прошло немного времени, они могут быть еще живы! Это же люди, женщины, их дома дети ждут!

Дежурный, видимо, давно работал вместе с майором Бережнюком, потому что по одному движению лохматой брови двинулся к невысокой посетительнице и навис над ней угрожающе:

– Пройдемте со мной. Без записи не принимает начальство.

Непрощеная гостья, мгновенно сообразив, у кого искать защиты, шагнула за спину Гурова:

– Я никуда не уйду, пока не получу ответы на свои вопросы. Пока вы не начнете срочно искать пропавших!

Начальник побагровел, его подчиненные растерянно крутили головами, задавая немой вопрос. Наконец майор Бережнюк, удержав свой гнев, выдал:

– Вот что. Вас дежурный отведет в сто четвертый кабинет, у нас там сидит... По связям с газетами.

– Я была там! – голос Надежды снова стал требовательным и звонким. – Мне не надо информацию для прессы. Это не формальный визит, мне не нужны рассказы о тайне следствия. Я требую, чтобы вы начали поиск пропавших женщин. Дубровкина София, Рыкова Людмила, Заицкая Марина! Трое уже пропали, а вы бездействуете. У вас даже нет заявлений об их пропаже, не заведены уголовные дела. Афанасьев знает, где они, спросите у него!

Гуров наблюдал, как все сильнее наливаются краснотой местный начальник, казалось, еще чуть-чуть, и он взорвется, будто переспелый помидор. Сбоку от него окаменел Павел Сладкевич, он внимательно ловил каждое слово девушки и кивал в такт ее словам, сам не замечая своей реакции. Лев, хоть и сгорал от чувства вины из-за женских слез, но сам оставался в роли наблюдателя. Хоть молчание и стоило ему огромных усилий. Он не знал, как действовать дальше, с каждой минутой пребывания в чужом РОВД история обрастала все новыми подробностями, которых не было в протоколах. Ни слова об исчезновении бывших жен Афанасьева, об этом молчали СМИ, почти не упомянул Павел Сладкевич. Он говорил о Рыковой, а она оказалась не единственной жертвой. Сотрудники полиции молчат, отводят взгляд в сторону, глаза ему открыла вот эта хрупкая женщина, что прорвалась через заслоны и подняла тревогу.

Пока опер не понимал, как ему действовать дальше. Ясно было одно – это, возможно, важная свидетельница, и стоит срочно переговорить с ней с глазу на глаз, чтобы понять, действительно ли ее информация имеет ценность. В тихом безопасном месте, а не в кабинете под

мрачными взглядами коллег, от которых девушка может замкнуться в себе. Дежурный и майор Бережнюк, казалось, готовы раздавить посетительницу взглядами. Она явно это чувствовала, но не отступала ни на шаг, воинственно напряжинувшись всем изящным телом. Лев нахмурил брови, соображая, как бы найти уединенное место для разговора с Надеждой.

Неожиданно помог майор Сладкевич, будто прочел его мысли. Он здоровой рукой незаметно для своего начальника показал Льву ключи от машины, и тот кивнул в ответ. Вслух же озвучил:

– Разрешите представиться, Лев Гуров, старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России. Занимаюсь делом Афанасьева. Я так понимаю, у вас есть вопросы и информация. Ответить на вопросы не обещаю – тайна следствия. К делу приступил недавно, поэтому буду рад выслушать вас. Предлагаю спуститься вниз, душно здесь. На улице свежий воздух поможет успокоиться, чтобы вы смогли все рассказать по порядку.

Девушка доверчиво взглянула на опера, из взгляда постепенно исчезли колючки, и кивнула – согласна. Он встал за ее спиной, словно прикрывая от недовольных каменных глаз Бережнюка, заботливо приоткрыл дверь. Надежда, не веря такой удаче, почти бегом припустила по коридору, то и дело оглядываясь, идет ли оперативник следом. Но облегченных вздохов, обращенных в их спины, не было. Наоборот, майор Бережнюк помрачнел еще больше – как же все не вовремя происходит.

На улице Лев нашел взглядом машину Павла, пикнула сигналка из окна, и они нырнули в полумрак салона. Здесь девушка сунула красное удостоверение журналиста в руки опера, а взамен потребовала:

– Вы тоже покажите свое.

Она долго изучала фотографию, потом кивнула на черно-белый снимок:

– Здесь вы лет на десять моложе. Давно работаете опером, да?

Гуров улыбнулся ее проницательности и кивнул:

– Да, Надя, вы правы. Всю жизнь работаю в оперативном розыске, сразу после института и до сегодняшнего дня. А вы настоящий журналист, все подмечаете. Уважаю вашу профессию, почти такие же сыщики, как и мы.

Надежда Хвалова – ее фамилию он прочитал в удостоверении. Вот только на вклеенном фото была девушка, отдаленно напоминающая собеседницу, что сидела напротив. Округлое личико с пухлыми щеками, блестящие задором глаза и кудрявая пышная шевелюра растаяли за пару лет, оставив лишь тень девушки с фотографии. Сейчас Хвалова была изможденной, с выпирающими скулами и запавшими щеками, вместо кудрей торчала короткая щетина. Прежним остался только взгляд, все так же наполненный огнем. Надя внимательно всмотрелась в лицо опера:

– Давайте я вам расскажу все с самого начала? Только это долго. Просто я знаю, что во время расследования иногда важна каждая деталь. Раз вы настоящий опер, а не как эти, – она кивнула на темные окна РОВД, откуда за ними сейчас жадно наблюдали почти все сотрудники, – то точно что-то полезное найдете из моего рассказа. Я ведь тоже, – она горько усмехнулась, – почти стала мадам Афанасьева. Вечной невестой вечного жениха.

Хотя от духоты в машине Лев по-прежнему ощущал дурноту и вялость, но кивнул, достал блокнот для пометок. Девушка прикрыла глаза, будто окунаясь в прошлое:

– С Сережей Афанасьевым мы познакомились банально – на парковке магазина. Я тащила ужасно тяжелую коробку, а он подхватил и донес до машины. Молча, без всяких приставаний или лишних слов. Помог донести, принес из своей машины воду, чтобы я пришла в себя. Это все было без дурацкой пошлости, глупых предложений. Он подождал, пока я пришла в себя, мне от жары стало совсем плохо, чуть в обморок не упала. Пока сидели в машине, разговорились. Сергей взял мой телефон, вечером написал, спросил о самочувствии. Он начал ухаживать

вать, очень ненавязчиво и так искренне, так... душевно. Без всяких напыщенных подарков или глупых поступков. Я – очень практичная особа, не люблю пафос и ценю настоящую заботу. Он забирал меня с работы, готовил ужин, мог привезти готовый обед в офис, так как знал, что я не умею и не люблю готовить. За неделю Сергей стал частью моей жизни, поддержкой и опорой, как будто был рядом всегда. Знаете, будто мы миллион лет вместе, будто пазл сложился без единого зазора, так мы друг другу подошли. Перед тем как сказать «да», ответить на чувства, я решила ему рассказать свою страшную тайну, не хотела обманывать перед важным решением. У меня онкология, сейчас уже после курса химиотерапии и реабилитации есть надежда. В то время я была только в начале пути, узнала свой диагноз, врачи делали прогнозы, планировали лечение. Узнав правду, после того разговора Сергей исчез мгновенно, будто его и не было. Собрал вещи, сменил сим-карту, растворился в воздухе, как мираж. Я была в шоке от подлого поступка, даже записки или сообщения не оставил, как будто наши отношения – просто ненужные вещи и нас можно легко выкинуть на помойку. Это была трагедия для меня, для сына. Он каждый день спрашивал меня, когда Сергей вернется, почему он нас бросил. Пришлось ходить к психологу. Как раз началась моя первая химия. Я умирала от рака, от боли и обиды. Умирала вместе со своим ребенком. Сын тоже прошел через все это со мной. Тогда я считала себя виноватой. Ведь если бы не онкология, не мое глупое тело, то мы были бы счастливой семьей.

Я так думала, пока не встретила на улице Маринку Заицкую, мою одноклассницу и подругу. Знаем друг друга со школы, иногда общались, забегали в гости, чтобы выпить по бокальчику, пожаловаться на жизнь. Из-за страшной болезни друзья почти все исчезли. Понимаю, никто не хочет видеть борьбу за жизнь, страдания. Чужая боль никому не нужна. Я думала, что Марина тоже не хочет общаться по этой же причине. Но когда ее встретила, то поняла, что моя подруга заняла мое место.

Мы встретили их в парке. Ее и Сергея. Шли под руку, а вокруг них катались на самокатах ее близняшки. Идиллия. Семья с картинки в глянцево́м журнале. Маринка тогда испугалась при виде меня, отвела глаза, даже здороваться не стала. А Сергей как будто не узнал, прошелся глазами, как по пустому месту. Правда, меня тогда это не уязвило, стало не до личной жизни. Все силы занимала борьба с раком. Сеансы химиотерапии, больницы, бесконечная боль постоянно, ужасные последствия. Я облысела, весила меньше сорока килограмм, а на прогулки меня на инвалидной коляске вывозил сын. Не до мести или обид было, на краю могилы о таком не думаешь. Я лишь одно запомнила тогда, что Маринка не счастлива. Да, именно так, на этой глянцево́й картинке у нее взгляд побитой собаки. Сама улыбается, а глаза не улыбаются, они несчастные. Это я точно рассмотрела, потому что видела такой же взгляд в зеркале. Я боялась смерти. Каждый день просыпалась, смотрела на свое отражение и в ужасе вспоминала – я умираю. И у нее был страх внутри. Не знаю, чего боялась она. Мы с той встречи не виделись и не разговаривали.

Надя вдруг замолчала на несколько секунд, а потом в ярости сжала кулачки:

– Ненавижу Афанасьева. Испортил жизнь мне, Маринке. Стравил нас между собой. Я ведь обиделась на нее, что она завела с ним отношения. Знала, как он поступил со мной, через что я прошла, и все равно начала с ним встречаться. Замуж за него вышла. А сейчас понимаю, она тоже была ослеплена, как глупая бабочка, полетела на свет.

– Что вы имеете в виду? – Гуров ловил каждое слово женщины.

Она не просто свидетельница, а фактически жертва. Выжила лишь потому, что оказалась не так привлекательна для мошенника, как остальные невесты. По всей вероятности, Афанасьев понял, что денег он не получит – основная их масса пойдет на лечение, на реабилитацию. Надежда улыбнулась в ответ:

– Я ненавижу Афанасьева и благодарна ему. Он умеет поддерживать, умеет сделать так, чтобы женщина чувствовала себя королевой и в то же время маленькой девочкой. Он такую

любовь во мне разжег, а после его ухода она превратилась в жуткую ярость. Это меня спасло, заставило двигаться, убегать от смерти. Он ведь... как бы вам объяснить... Словно опытный энтомолог, изучает женщину как неизвестного науке жука, замечает ее достоинства и хвалит, хвалит, хвалит. Он был прав, когда говорил, что у меня сильный характер, что я многое смогу. Compliments, вера другого человека в меня помогли мне стать тем, кто я есть сейчас. Это сработало, как спусковой механизм. Я преодолела болезнь, вернулась в профессию, открыла свой блог и достигла успеха. За короткий срок. Мне повезло, что тогда страшный диагноз спас меня от второй стадии, через которую проходили остальные невесты Сергея. После восхищения и свадьбы он начинал их втаптывать в грязь, уничтожать морально, чтобы превратить в покорных служанок. Сначала абсолютный плюс, а потом – такой же абсолютный минус. Я думаю, поэтому у Марины были такие несчастные глаза. Их идеальный брак начал превращаться в идеальный ад.

Надя вдруг улыбнулась смущенно:

– Сумбурно все звучит сейчас. Я до сих пор эмоционально переживаю эту историю, она длилась для меня несколько лет, изменила всю жизнь.

Лев Иванович кивнул:

– Понимаю. И действительно, я немного запутался. Вы ведь говорили, что после встречи в парке не виделись с одноклассницей, с Мариной Заицкой. Откуда тогда вы узнали о второй стадии в отношениях Афанасьева с другими женщинами?

Девушка охотно пояснила:

– Люда Рыкова. Когда она начала свою общественную кампанию против Афанасьева, я предложила сотрудничество, как блогер и как журналист. Помогала готовиться к интервью, собирала информацию у других пострадавших женщин для статей.

Она вдруг залилась звонким смехом:

– Сережа был прав, на сто процентов прав. Я на многое способна. Только одного не учел, что мои силы и талант будут направлены против него.

Отсмеявшись, молодая женщина продолжила:

– Мы с Людой стали приятельницами, она рассказывала мне о ходе всей кампании. Поэтому я в курсе каждой истории. А схема у Афанасьева одна. Сначала восторгается искренне и самозабвенно, после у него начинаются трудности и нужны деньги. Когда брак заключен, начинает якобы тревожиться о безопасности избранницы, о беспомощности женщины, убеждает, что он лучше распорядится ее деньгами. Критикует, запугивает, унижает, превращая бабочку в покорную куколку, которая боится сделать движение и разозлить своего хозяина. Вот почему у Марины был страх во взгляде. Она боялась реакции Сергея, что он увидит меня и взорвется, станет злиться на нее, высказывать, говорить гадости.

У Нади в кармане громко зазвонил телефон, и она охнула испуганно:

– У сына закончилась тренировка, мне надо срочно бежать. Он ждет меня в холле. Простите, мне надо ехать.

– Подождите, вы не рассказали, почему считаете, что некоторые из жертв Афанасьева пропали! – опер не знал, как остановить свидетельницу.

Если бы они были в Москве, то он отвез бы ее на своей машине, а по пути дослушал ее показания, расспросил как следует. А здесь она ускользала у него из рук, так и не рассказав самого важного – почему она оказалась в кабинете у майора Бережнюка. Надя сунула ему визитку и торопливо пояснила:

– Мы можем встретиться вечером, когда вам будет удобно. Я расскажу все до конца. Хотела попросить прощения и помириться с Мариной, а оказалось, что ее никто не видел из наших общих знакомых уже больше двух месяцев. Дети у отца в Испании, он забрал их через суд после скандала с Афанасьевым в СМИ. Я была так удивлена, мы обзвонили с Людой остальных жертв Афанасьева и не смогли связаться еще с Софией Дубровкиной. Вчера мне позво-

нила мама Люды, она сказала, что машину Рыковой нашли за городом, сама она не выходит на связь. Это совсем не похоже на Люду, она очень, очень пунктуальный и обязательный человек! Поэтому я пошла в полицию, ведь они даже не признают, что женщины пропали. Никто не ищет Дубровкину и Марину, но ведь никто из родственников и знакомых не знает, где они. Конечно, Афанасьев под домашним арестом, но он очень хорошо разбирается в компьютерах и электронике. Уверена, он нашел лазейку и стал избавляться от своих жертв. Без их показаний дело будет развалено и Сергей выйдет из суда свободным человеком.

Надя нажала на рычаг двери:

– Мне очень нужно бежать. Через три часа я освобожусь. Приезжайте прямо ко мне домой. Я все вам покажу, записи интервью с пострадавшими, список женщин с подробными рассказами о Сергее. Я дам адреса пропавших девушек, телефоны их родственников. Только отвезу сына домой и буду свободна. Готова вам помогать хоть сутками, я надеюсь, что они живы и мы сможем их найти, спасти. Афанасьев, он... он умный и жестокий, но не убийца. Я уверена, женщины живы, нуждаются в помощи!

– Я обязательно приеду, Надя, – пообещал Гуров. Он проводил глазами женщину, которая исчезла в своей машине. Красный автомобиль стремительно развернулся на парковке и влился в поток.

Перед тем как выйти из салона, Гуров взглянул на себя в зеркало: бледное лицо в испарине, руки дрожат от слабости, а белки налились желтизной. Опер прислушался к своим ощущениям – неужели отравился едой в дороге или гостиничном кафе? Уж слишком плохо ему было, чтобы списать все на акклиматизацию организма к южному климату. Он повернул голову к темным окнам казенного учреждения. В сумраке помещений с солнечной улицы было не рассмотреть десятки любопытных глаз, но оперуполномоченный был уверен – коллеги наблюдают за каждым шагом визитера, пытаются вычислить, как можно быстрее избавиться от московского засланца. Ему, конечно, есть что сказать, уже сейчас можно устроить разнос местному начальнику, указать на ошибки и недочеты в работе. Информации хватит для начала внутренней проверки действий сотрудников: пропавшие женщины, оставленные без внимания со стороны органов, непродуманность домашнего ареста Афанасьева.

Только все обнаруженные ошибки он обсудит не с местными операми, а с генералом Орловым по окончании рабочего дня. Сейчас нужно узнать официальную версию расследования. Все-таки вполне может быть, что его недоверие напрасно и Надежда Хвалова просто не в курсе всех оперативных мероприятий. Так бывает иногда: свидетели или потерпевшие хотят правосудия как можно быстрее, горят желанием отомстить за пережитую боль и потерю, не принимая во внимание, что работа сотрудников регулируется законом, а не является импровизацией. Иногда преступник находит щелку в законе, а у опера оказываются связаны руки. Тогда и начинаются обвинения полиции в бессилии или коррупции, а общая атмосфера раздражения, давление начальства, жалобы жертв приводят к новым ошибкам, желанию пойти на поводу и получить от преступника признание вины любой ценой. Подтасовка фактов, слепота к мелким деталям – частая ошибка новенького старательного опера, но не такого опытного сыщика, как Гуров. Он знал, что сейчас лучше собирать сведения, внимательно вслушиваясь в каждое слово коллег, свидетелей, родственников, а не пороть горячку.

В кабинете его уже ждали, на столе стояла пузатая бутылка с янтарной жидкостью, рюмки и тарелка с закуской. Майор Бережнюк радушно предложил:

– Господин полковник, Лев Иванович, может быть, с дороги стресс снимете? А потом сразу к делу. Вы вон какой бледный, лечение не повредит.

– Спасибо, и правда после дороги чувствую себя не очень. Поэтому давайте лучше сразу к делу, и потом я в гостиницу – отлеживаться, – отказался от скрытой взятки Гуров.

Майор с явным сожалением на лице убрал приготовленное угощение на сейф и вздохнул:

– Давай, Сладкевич, докладывай.

Павел, не меняясь в лице, сухо заговорил:

– Поступило заявление о пропаже гражданки Рыковой, свидетельницы по делу Афанасьева. По информации от матери Рыковой, та не вернулась домой в положенное время после работы.

Анатолий Юрьевич нахмурил тяжелые брови:

– Давай ближе к делу, какие мероприятия провел? Результат какой у тебя, Сладкевич, результат?

Сладкевич осекся, как от удара, но на лице не проявились эмоции. Он так же сухо ответил:

– Изменена мера пресечения для Афанасьева. Еще сегодня планировал его допросить по исчезновению Рыковой, отложил до приезда полковника Гурова. Осмотрел найденную машину Рыковой, опросил местных жителей.

– И? Появились данные, которые позволят квалифицировать исчезновение Рыковой как преступление? – буркнул Бережнюк в нетерпеливом раздражении.

Вид у его подчиненного стал еще мрачнее, неприятно расписываться в собственном бессилии:

– Пока ничего, свидетели не нашлись. Камера на выезде из города засекла машину Рыковой около восьми вечера, в салоне она ехала одна по трассе в направлении Азова. По моей версии, возможно, ей угрожает Афанасьев. Поэтому она скрывается до момента суда. Матери не сказала, чтобы не выдать убежище. Ну или у Афанасьева есть информация против Рыковой, он шантажирует ее, заставляет отказаться от показаний, имитировать исчезновение. Думаю, что стоит опросить ее подруг, поспрашивать у местных в Азове, может быть, кто-то ее подвозил или видел на вокзале. Надо отследить маршрут Рыковой. По остальным пропавшим девушкам, – майор покосился на своего начальника, ловя очередной неодобрительный взгляд, – заявлений не поступало, поэтому проверка по ним будет проведена завтра. Как с Рыковой разберусь.

Бережнюк фыркнул в ответ:

– Может, так, может, не так. Конкретики кот наплакал. Мы не художники, а опера. Докажи, что преступление имеет место быть. Дел у тебя, Павел, на сутки вперед. Действуй тогда, чего ждать. И это... – очередной смущенный взгляд на москвича. – Защитник Афанасьева атакует там звонками начальство, уже до министерства крик о полицейском беспределе поднял. Так что нужны доказательства его вины, ну ты понимаешь сам, железобетонные улики, свидетелей надежных. Или придется выпустить, по его амурным делам материалы передаем в мировую, по нашей части статей не нашлось.

Сладкевич пробормотал себе под нос:

– Без тела-то что мы ему предъявить можем... надо продлить задержание.

Брови-домики поползли вниз:

– Выполнять приказ.

Огорченный опер сгреб бумаги:

– Есть выполнять, – вопросительно взглянул на Гурова.

Лев поднялся со своего места, с трудом нашел силы на вежливое прощание. Перед глазами все плыло, дурнота не отпускала, затуманивая сознание. В коридоре он выдавил из себя:

– Есть комната для допросов у вас? С зеркальным стеклом? Я не буду присутствовать, посмотрю со стороны. Поговори с подозреваемым и отпускай. А завтра утром вызывай его на новый допрос, подумаю над вопросами и над тактикой.

Павел кивнул и обеспокоенно уточнил:

– Может, в гостиницу вас отвезти, господин полковник? Выглядите совсем худо. Может, что несвежее съели по дороге? В кафе-то мы одинаково заказали, у меня живот не крутит.

Льву хотелось сказать, что как раз пищеварение его не подводит, а вот сознание накрывает черным туманом. Но сил на такое простое действие не было, он смог лишь попросить:

– Перед допросом Афанасьева организуй водички, пожалуйста. И давай без церемоний. Можно просто Лев, без «господин полковник».

– Хорошо, конечно. Вот я дурак и не сообразил про воду-то. Сейчас. У девчонок-дознателей в кабинете есть кулер, – засуетился майор.

В затемненном помещении, где за стеклом в пустой комнате уже ждал Афанасьев – высокий и статный мужчина с широким разворотом плеч, опер с облегчением рухнул на стул. Ноги стали совсем ватными, тело его не слушалось. Усилием воли пришлось заставить себя сосредоточиться на подозреваемом, что сидел за непроницаемым зеркальным щитом.

Лев Гуров принялся внимательно его рассматривать: крупные руки, которые легко могли справиться со слабым противником, лежали спокойно на металлическом столе; мужчина сидел расслабленно, без нервного ерзания от неизвестности, что таилась за зеркальной стеной; короткие светлые волосы лежали округлыми линиями по пробору, смягчая резкие скулы и рублевый подбородок; небольшие складки по углам рта не портили его мужскую привлекательность, наоборот, даже усиливали впечатление человека зрелого, умудренного жизнью.

Афанасьев внезапно повернулся к зеркалу, почувствовав чужое внимание, и улыбнулся. По его лицу разбежались морщинки-лучики, добавив мягкости в острые скулы и пронзительный цепляющий взгляд. Даже Гуров почувствовал внутри теплый отклик на эту обезоруживающую улыбку. Опер достал блокнот и начал делать пометки, фиксируя свои мысли: «Обаянием своим пользуется профессионально, включает, как магнит, по собственному усмотрению. Физически очень развит, хладнокровен, бравирует собственной уверенностью». Пока описание совпадало с той характеристикой, что дала ему Надежда. Но она говорила только о сильных сторонах мошенника, а Льву сейчас было важно найти его болевые точки, куда можно нажать, чтобы подозреваемый почувствовал себя слабым и уязвимым.

Только Сергей явно ощущал себя уверенно даже в такой тяжелой атмосфере комнаты для допросов. Особенно заметно это стало, когда в допросную зашел майор Сладкевич. Опер долго возился со стулом, рабочей рукой неловко отодвигая и устраивая тяжелую мебель поудобнее. Сергей даже не смог скрыть насмешливый прищур, наблюдая, как долго возится калека с простым действием. И как только Сладкевич, в измятой рубахе, поникший от усталости и напряжения, опустился на стул, подозреваемый сразу взял инициативу в разговор:

– Почему моего защитника не пригласили на нашу встречу? Продолжаем практиковать нарушение законов?

Павел застыл на несколько секунд, он явно собирался с мыслями. На сером одутловатом лице отражалась умственная работа. Потом он вдруг рубанул воздух здоровой рукой и выпалил:

– Слушай, я тебе, как мужик мужику, предлагаю. Без всяких адвокатов. Скажи, где Рыкова. Если она жива, то мы ее освободим и ты вернешься под домашний арест. Напишет заявление – постараемся замять дело, дашь ей денег, договоришься в досудебном порядке. Ты же умеешь с женщинами. И все – ты свободен. Только скажи, где Людмила Рыкова.

Сергей отчеканил в ответ:

– Не понимаю, о чем речь. И снова повторяю свое заявление, и для вашего товарища с той стороны в том числе, – наглый взгляд воткнулся прямо в лицо Гурова, сидящего за зеркальной перегородкой. – Виновным себя ни в чем не считаю, требую освободить немедленно из камеры, требую встречи со своим защитником. Требую остановить полицейский беспредел. Ваши действия нарушают закон.

Павел его оборвал, выкрикнул в горячем запале:

– Да прекрати кривляться! Я с тобой, как с человеком, как с мужиком нормальным разговариваю. Не как с подозреваемым. Мне не чистосердечное твое надо! Видишь, даже бума-

жек нет с собой, протоколов или диктофонов. – Сладкевич вывернул карманы брюк. – Ничего. Просто скажи, куда Рыкову спрятал, как ее найти. Если она погибнет, как ты с этим жить дальше будешь? Это же не деньги ее со счетов снимать, а жизнь, пойми ты, жизнь ты у человека отнимешь!

Опер покачал сокрушенно головой:

– Обрато жизнь не вернешь, это не машина, не квартира – новую не купишь ни за какие деньги. Если женщина умрет, что с ребенком ее станет? Сиротой по детским домам? Отца нет, так ты матери лишишь? Мы же все равно искать будем, а ты – сидеть, пока не найдем. Ты что хочешь, жить нормально, семью завести, ребенка или с нами в прятки играть в камере?

Маска добродушия спала с лица Афанасьева мгновенно, он взвился над столом и грохнул кулаком по гладкому металлу:

– Не смей про детей говорить, ментяра поганый!

Гуров мысленно похвалил Павла: «Молодец, какой молодец. Нашел слабину у нахала. Ткнул так, что тот сразу поплыл. Но интересно, что тут за болевая точка, с детьми связанная?»

Спесь и уверенность слетели с мошенника мгновенно, как пыль, он навис над столом, заходясь в яростном крике:

– Не трогал я никого, понял? Никого! Сколько раз еще повторить? Да эти теткы сами все отдавали, сами! Добровольно! За ласку и любовь платили. Мне не надо их бить, похищать, убивать или чего вы там навывдумывали. Это вы привыкли кулаками махать. Мне это не нужно, понял! Одного слова моего достаточно, чтобы любая баба побежала, как собачонка, и пятки лизала! Мне нужны были деньги, очень нужны. Заработал, как смог, закон не нарушил, никого не убил и не избил. В отличие от вас, знаю я методы ваши. Так что хватит тут комедию ломать, не получите вы признание. Его нет и не будет, я никого не убивал, не грабил, не обманывал, не похищал! Все было по согласию, добровольно. Не знаю, что ты там мне приплетаешь, разбирайся сам, где Рыкова. Люду не трогал, не видел ее с момента развода уже несколько месяцев. Находился под домашним арестом, так что алиби у меня железное. Я не лох, чтобы чужие косяки на себя собирать. Адвоката моего зови, он вам устроит расследование. Привыкли чистосердечное выбивать из алкашей да придурков. Здесь такое не сработает, – Сергей уже начал успокаиваться. Осел обратно на стул, замер с прямой спиной и сжатыми кулаками. – Даже не жди, мент, только время потеряешь. Никаких пропавших баб на себя я не возьму, у меня все чисто, алиби есть, и ты это знаешь. Я под домашним арестом сижу уже больше месяца. Будешь свои ментовские подставы устраивать, уйдешь в отставку. В лучшем случае. Могу на зону отправить. Там таких, как ты, инвалидов, в два счета превращают в прислугу и шлюху, как бабе и положено. Тебе не привыкать стирать и готовить, жена-то тебя точно не обслуживает – выглядишь, как кот помоечный. Сбежала от придурка. Вот после таких, как ты, они ко мне готовы на коленях ползти.

Павел побледнел от оскорблений. Он рванул вперед и с размаху ударил кулаком в красивое лицо, но тычок получился неубедительным. А от резкого движения опер потерял равновесие, попытался ухватиться больной рукой за край стола – промахнулся и чуть не упал на пол, едва удержавшись на стуле. Преимущество было потеряно. Снова Афанасьев смотрел на соперника свысока, а Сладкевичу оставалось лишь беспомощно настаивать:

– Мы же сейчас разговариваем просто. Ведь труп если найдется, то уже ты обвиняемым пойдешь. А сейчас есть у тебя шанс все исправить. Сотрудничество – считай, минус пятерка от срока.

Сергей качнул головой, в голосе зазвучало глухое раздражение:

– Повторяю еще раз. Я, Афанасьев Сергей Сергеевич, не понимаю, в чем меня обвиняют. Никаких преступлений не совершал, в связи с чем задержан – не знаю. Рыкову Людмилу я видел последний раз на судебном заседании по поводу нашего развода, с тех пор контактов с ней не имел.

Опер упрямо наклонил голову и процедил:

– Людмила Рыкова пропала. Она не выходит на связь, машину я ее нашел и ее саму найду. Мертвую найду – ты сядешь надолго, живую по твоей информации – выйдешь сразу, обещаю. Ты никому рот не заткнешь, не запугаешь. Я не дам тебе этого сделать, – опер говорил и говорил, но слова его звучали неубедительно.

Это было уже понятно всем, и Гурову, и мошеннику, который сидел, даже не вслушиваясь в речь человека напротив. Афанасьев демонстративно откинулся на спинку стула, уставился на свои руки. Прервал вдруг бубнеж полицейского:

– Знаешь, от чего бабы тащатся? От чистоты. Чтобы ни пятнышка, ногти полированные и обувь начищенная, – он смерил оценивающим взглядом измятую одежду Павла с темными пятнами пота под мышками. – Ты вообще когда мылся последний раз? От тебя козлом несет, всех баб на километр сдует. Даже проститутка старая от такого сбежит.

Павел осекся на секунду и дальше продолжил говорить, голос у него стал совсем бесцветным. Он давил и давил себя изнутри, чтобы не сорваться.

В какой-то момент отстраненный Сергей поморщился и буркнул:

– Хватит зудеть, ведь понятно, что зря стараешься. Был бы поумнее, то уже начальником бы сидел в кабинете, как приятель твой. Ты все опером бегаешь, как мальчишка.

Сладкевич замолчал, лицо его наливалось чернотой. Он встал резко и пинком отодвинул стул. Перед выходом кинул злобное:

– Я найду Рыкову! И засажу тебя надолго!

Вместо ответа Сергей повернулся к зеркалу и скривился в недовольной гримасе, адресуя свои слова невидимому Гурову:

– Ну что сидите?! Цирк закрывается, представление окончено. Давайте, открывайте двери и подписывайте ваши бумажки, я хочу домой, в душ, выпить кофе, нормальной еды. Не все привыкли, как псы дворовые, жить в грязи. Эй, чего сидим?

Раздосадованный Гуров щелкнул кнопкой микрофона, и злобная гримаса зашевелилась беззвучно. Сбоку хлопнула дверь, огорченный донельзя майор Сладкевич показался в проеме. На светлом квадрате освещенного коридора темнела его сгорбленная фигура, руки обвисли бессильными плетью вдоль тела, а голос был полон тоски:

– Вы видели, да? Вот что с ним делать? Ни с какой стороны не прижать его, где искать доказательства? Сделали из меня болвана, все из-за руки, я знаю!

Опер вдруг замолчал, поняв, что в расстройстве болтает лишнего. Гуров мягко ободрил:

– Павел, ты хорошо держался. Пускай пока остынет, осмыслит, что ему грозит. И с адвокатом посоветуется. Обвинение в похищении Рыковой – дело серьезное. Пока он не в статусе обвиняемого, а всего лишь подозреваемого, у него есть шанс получить смягчение. Адвокат еще раз до него это донесет, может, поймет, что дело серьезное. Как только добудем первую улику, то уже никакого сотрудничества не будет. Будем его давить по полной. Я сегодня с Надеждой пообщаюсь, она утверждает, что пропали и другие потерпевшие, бывшие жены Афанасьева. Составим список и будем искать их следы, отслеживать маршруты перед исчезновением. Думаю, тогда улики найдутся. Если в одном случае он не наследил, то уже в трех точно мог совершить ошибку. Если это он, конечно, стоит за исчезновением женщин. Завтра я сам попробую его пробить на допросе, заставить назвать место нахождения Людмилы. Пускай пока думает, что мы проиграли. Ты сегодня займись опросом на вокзалах поблизости от места, где нашли машину Рыковой. Как-то же дальше она должна была передвигаться.

По коридору затопали тяжелые шаги и раздался голос майора Бережнюка:

– Сладкевич, где тебя носит? По твою душу пришли.

Следом зазвучал второй мужской голос, уверенный, поставленный баритон:

– Добрый день, господин полицейский. Майор Сладкевич, Павел Николаевич, если не ошибаюсь? Я адвокат, моя фамилия Разин, представляю интересы господина Афанасьева.

Прошу расписаться в получении официального требования освободить моего клиента из-под стражи немедленно. Сроки задержания без предъявления обвинения закончились, все дела по обвинению в мошенничестве вы обязаны были передать в другое ведомство. Прошу не затягивать с процессуальными действиями, это чревато последствиями для вас и вашего отдела. Сроки не соблюдаем, Афанасьев на допросе без моего присутствия. Сплошные нарушения. У меня в телефоне больше ста контактов представителей прессы. У вас есть полчаса, чтобы сделать положенное по закону. Либо через полчаса вынужден буду сообщить общественности о происходящем полицейском беспределе.

Бережнюк оттеснил подчиненного за дверь комнаты, и в полумраке, не заметив присутствия Гурова, зашептал:

– Так, майор, сейчас же выпусти этого Афанасьева по-тихому. Мне шумиха с прессой не нужна. У тебя время было, чтобы получить признание или найти улики. Сейчас уже было бы раскрытие в кармане, если бы работать умел. Ты, если решил в правильного перед Москвой играть, меня не впутывай. Закрывай дело и вали на пенсию, с тебя спроса мало будет. Ну выговор влепят перед выходом, это не мешает тебе вахтером работать в школе. Или я тебя комиссию по состоянию здоровья, надоел тут показатели отдела мне портить.

Сладкевич стоял с опущенной головой, не реагируя на слова начальника. Толстый кулак ткнул его с силой в грудь:

– Слышал? Выполняй приказ, че как баба раскис. Зря я тебя оставил в отделе.

– Есть, – ответ прошелестел еле слышно.

И все же этого было достаточно: Бережнюк тяжело затопал по коридору обратно, а вместо него к двери скользнул лисой адвокат:

– Ну так что, Павел Николаевич, время – деньги. Особенно мое время. Жду от вас бумагу и пропуск. Насколько я знаю, мой клиент сейчас в РОВД, доставлен на допрос из СИЗО. Прошу заметить, с нарушением всех процессуальных норм.

Под плавное журчание его голоса огорченный оперативник пошаркал по коридору к своему кабинету, позабыв о горячих обещаниях, что он выкрикивал пару минут назад.

Лев остался один в темном пространстве, отделенный от преступника лишь зеркальной стеной. Когда он повернулся на пороге перед тем, как захлопнуть дверь в комнату, то столкнулся с наглой улыбкой Афанасьева. Мужчина по-прежнему сидел за столом: теперь он откинулся на спинку стула, засунул небрежно руки в карманы и улыбался собственному отражению в зеркале. Правда, улыбка была механической: сияли белые зубы, красиво очерченные губы растянулись в стороны, лучики собрались в уголках глаз, но вот во взгляде сквозило совсем другое. Гуров напоследок внимательно всмотрелся – что прячет нахальный и уверенный в своей безнаказанности Афанасьев? Страх? Тревогу? Ложь? Непонятная червоточинка, туман на дне уверенного вызова в глазах.

Остаток дня Гуров провел в гостинице. Сил разбирать стопку протоколов, сидя в кабинете, не осталось. Его бросало то в жар, то в холод, и все же опер, растянувшись на кровати, лист за листом изучал многочисленные бумаги. Завтра утром документация будет передана в другой отдел, а он даже не ознакомился с делом – слишком стремительно развивались события по его приезду. Скоро надо сделать звонок генералу и озвучить свои выводы, которых нет. Вернее, есть догадки о чужих тайнах, но они лишь на уровне слухов и домыслов, никакой конкретики. Сейчас хорошая, а то и единственная возможность законно оставить Афанасьева за решеткой и избежать шумихи в прессе – доказать его причастность к серии исчезновений женщин, которые стали жертвами его мошеннических действий. Вот только найти бы зацепки для этого маневра. Поэтому Гуров торопливо пролистывал объемную папку, выписывая себе адреса и телефоны пострадавших женщин. У каждой есть ребенок или несколько, они не могут исчезнуть незаметно для окружающих. Несколько заявлений от родственников – и судья вернет Афанасьева за решетку на время следствия. Лев уже пожалел, что отправил Павла с маши-

ной искать следы Рыковой в месте обнаружения машины. Сейчас бы этот старательный, пускай и немного неказистый оперативник ему пригодился, чтобы просто хотя бы обзвонить десяток номеров пострадавших бывших жен Сергея Афанасьева и узнать, кто из них на месте со своей семьей. Сладкевич ему импонировал своим искренним желанием наказать мошенника, хотя его неуверенность в себе, постоянный внутренний разлад из-за травмы и ощущения неполноценности очень мешали работе. Конечно, Павла можно понять: травма, критика от начальника, а еще и, видимо, свежий разлад в семье, который так ловко заметил Афанасьев. Такие события выбивают из колеи, лишая настойчивости и внутренней энергии, которая так нужна в оперативной работе. Люди, как звери, чувствуют силу и слабость, подчиняясь или стараясь взять верх, когда полиция начинает узнавать их тайные страсти.

Хотя сейчас нет места сочувствию – работа, как огромный ком, множилась с каждой минутой. Список из телефонов на листе рос и рос. Сергей Афанасьев оказался очень деятельным мошенником, который заключил более десятка браков, а некоторых женщин умудрился обобрать, даже не регистрируя отношения официально. И даже это дело Лев Гуров не успел закончить.

Телефон засветился сообщением от Надежды Хваловой: «Приезжайте, я жду вас дома. Улица Космонавтов, дом 11». Опер взялся за телефон, придется обзванивать огромный список самому как можно быстрее, времени у него катастрофически мало.

Звонки пришлось делать на ходу, пока натягивал куртку, выходил из гостиницы и подпрыгивал на ухабах в автобусе. К его радости, почти все женщины отвечали на звонки, охотно разговаривали после его представления по званию. Конец списка Гуров уже добивал на улице, то переключаясь на навигатор, то снова набирая очередной номер. Вечерняя темнота сгустилась на глазах после заката, улицы постепенно затихали, а вся жизнь переместилась за желтые окна многоэтажек, где звенела посуда к ужину, играла веселая музыка из телевизоров, шумели дети. Оперативник успел заскочить в последний автобус, который отвез его за десять минут в отдаленный микрорайон. На конечной остановке, пустой, без ожидающих пассажиров, он созвонился с последней отметкой в своем списке, с облегчением сунул лист в карман.

В паре сотен метров от него начиналась свежая застройка на улице Космонавтов – трехэтажные дома с французскими огромными балконами и аккуратными газонами по периметрам обихожанных дворики. Пара ребятишек еще раскачивали качели под теплым светом фонарей, хотя на парковке уже блестели новенькими боками припаркованные автомобили, а женские голоса загоняли последних, самых азартных гулен домой.

Опер дошел до дома с крупной табличкой «11», когда дворик со свежими качелями и горками окончательно опустел, только в кустах чирикали сонно птицы, устраиваясь на ночлег. Он набрал номер Надежды в телефоне: первый гудок, третий, десятый, но женщина не отвечала. Лев нажал кнопку отбоя, потом снова вызов и отодвинул телефон подальше в сторону от уха, чтобы пронзительные гудки не забивали звуки вокруг. Мелодичная трель разлилась неподалеку от нужного дома. Гуров снова нажал красную трубку на экране – мелодия стихла, и опять вызов – телефон где-то очень близко заиграл вновь. Он пошел на звук, мелодия виляла в воздухе все ближе и ближе, пока опер не дошел до края парковки.

Знакомый красный автомобиль стоял на другом конце парковки, дверца водительского места распахнута, оттуда и доносилась мелодия. В приглушенном свете Лев увидел со своего места открытую дверь, белую, бессильно обмякшую руку на бежевой коже сиденья и знакомый черный ежик волос над спинкой. Он ринулся петлять между машинами к Наде, которая не реагировала на его голос. Телефон надрывался в салоне, а она даже не шевелилась, рука безжизненно висела вдоль кромки кресла. Опер на ходу скинул вызов, телефон в машине замолк, и он успел набрать три цифры – «скорая». Поднял взгляд от экрана, почувствовав движение за спиной. Как вдруг все вокруг накрыло черной пеленой, от которой слабые ноги подкосились, соскользнули в сторону. Лев взмахнул рукой, пытаясь удержаться на ногах, но ладонь мазнула

по холодному боку машины, а потом ударилась об асфальт без сил. Почти бесшумно Гуров накренился на капот и тут же без сознания рухнул прямо под колеса автомобиля.

Глава 3

Льву снилось, что комнате для допросов не хватает воздуха и он мечется в темноте, пытаясь найти окно и сделать глоток. А пальцы беспомощно хватают пустоту, глаза ослепляет улыбка-оскал Афанасьева за зеркальной перегородкой. Грудь больно сдавило от желания вдохнуть так, что по лицу потек пот ледяными ручьями.

От холода Лев Гуров открыл глаза и закашлялся водой, попавшей в рот. Голова еще не успела сообразить, как тело начало действовать – задержалось в судорогах паники. Он в тонущей машине, вода заливает салон, с каждой секундой поднимаясь все выше и выше! Опер дернулся, чтобы открыть дверцу, и тут же понял, что его руки связаны за спиной тугим узлом веревки. От порывистого движения голова ушла под воду, он выгнулся, чтобы успеть схватить последний глоток воздуха, и глухая, холодная толща окутала оперативника со всех сторон. Лев почувствовал под спиной что-то твердое, изогнулся и ударил связанными ногами по заднему стеклу салона. Еще удар! Еще! Над пассажирскими сиденьями прямоугольник стекла разошелся трещинами. Удар! Осколки выбитого окна резанули ноги, алые облака разошлись по воде, и он ринулся следом за ними – вверх, к светлому пятну над головой. Толчок плечами, рывок! Быстрее, еще быстрее, последние секунды воздуха в легких. Гуров вытянул шею, сделал спасительный вдох, выскочив на секунду из-под воды, и снова ушел на глубину. Под ногами медленно исчезал в темноте корпус красной машины с распахнутыми дверцами. Лев подождал, пока тело опустится к массивному предмету, и снова оттолкнулся что было сил от широкой площадки багажника. Второй раз светлое пятно перед глазами, черный слой воды – и спасительный вдох!

Гуров больно ударился головой обо что-то круглое, вывернулся, чтобы плечом придать направление связанному телу, вытянул шею и лицо вперед. Клац! Зубы ухватили веревку, привязанную к бакену, рядом с которым у него получилось вынырнуть. Теперь оперативник висел, как пойманная рыба на крючке, на веревке, в темноте, без возможности плыть. Но теперь у него хотя бы получалось делать короткие вдохи, когда волна поднимала веревку и бакен вместе с ним над поверхностью. Сколько так прошло времени в смертельных волнах водоема, Лев не понимал, он сбился со счета. Он сосредоточился на веревке и дыхании. Тело совсем онемело, челюсть сводило судорогой, и все же он старался ни на секунду не отключаться. Сначала активно крутил ступнями и ладонями в попытках вытянуть их из тугих веревочных пут. Но, когда чуть не соскользнул со спасительного троса из-за неловкого движения, то сразу прекратил попытки освободиться. Лишь разрешал себе закрывать глаза на несколько секунд, когда очередной холодный всплеск ударял по лицу, будто хлесткая пощечина.

Ему казалось, что время почти не движется. Краем сознания отметил, что воздух вокруг посветлел – близится рассвет, и его шансы на спасение повышаются. И все же ледяная вода сдавливала, как тугая сеть, останавливая работу мозга. Несколько часов борьбы со смертью так вымотали опера, что когда случайный рыбак с удивленным возгласом затащил невероятную находку у бакена в углубленную резиновую лодочку и накрыл сверху ветошью, то Гуров не ощутил почти ничего. Мозг спокойно отметил – жив, спасся и наконец позволил телу обмякнуть на дне лодки. Рыбак что-то спрашивал, удивленно охал над чудесным спасением. В ответ Лев только все сильнее стучал зубами от накрывающих его волн сильной дрожи. Сил говорить или шевелиться не осталось. Перерезанные рыбацким стареньким ножом веревки Гуров сдавил трясущейся рукой и прижал к себе – улика, единственное вещественное доказательство попытки его убить. И она ему пригодится, ведь придется объяснять, как он оказался в тонущей машине и не спас ее владелицу – важную свидетельницу Надежду Хвалову.

Через полчаса на дне рыбацкой лодки суетились люди: врач спрашивал опера о чем-то, аккуратно пытаясь разжать руки, чтобы ввести иглу от капельницы. Но тот лишь сильнее скру-

чивался от бесконечных судорог по всему телу и прижимал единственное доказательство ночного преступления еще крепче. Наконец, закапала в системе прозрачная жидкость, внутренности машины «Скорой помощи» закачались в такт дорожным ухабам. Тогда Лев почувствовал, что на смену болезненной режущей стянутости во всем теле приходит тепло, разливается по мышцам и коже мягким одеялом, веки наливаются будто свинцом, плавно опускаются вниз.

Он на секунду выдохнул, разжал пальцы. Как вдруг вскочил от толчка изнутри. Лев очнулся и схватил руками пустоту в воздухе – веревки пропали! Его пружинистый маневр на кровати остановил мягкий толчок ладонью. Женщина в белом халате укоризненно сказала:

– Вот видите, скачет и скачет. Веревку эту требует все. Как вашего сотрудника успокоить? Ему нужно восстановление после переохлаждения, а он мечется. Капельницы еще сутки будут ставить, доктор вообще хотел его в реанимационное отделение отправить после десяти часов в реке.

Знакомый басок генерала Орлова успокоил медсестру:

– Не переживайте, я пригляжу, чтобы не метался. У нас работа такая, долг всегда зовет.

Гуров просипел в сторону силуэта, что чернел напротив залитого ярким светом окна:

– Петр Николаевич, веревка! У меня в руках была веревка, это вещдок важный!

Начальник сделал несколько шагов и приобрел привычные очертания:

– Тише, Лев Иванович, на месте твоя веревка. Вещи все твои при тебе, даже одежда постирана и высушена. В тумбочку все санитарка сложила. А ты говори поменьше, тебе врачи велют поберечься. В себя как придешь, так все в подробностях расскажешь.

Опер отчаянно замотал головой:

– Я должен был встретиться со свидетельницей важной, но меня кто-то подкараулил и оглушил. Потом была машина и река. Женщину в ней, Надежду Хвалову, нашли? Она тоже была в автомобиле, лежала без сознания!

Голос генерала Орлова стал строже:

– Полковник Гуров, приказываю напрягаться как можно меньше. Говорить буду сейчас я. Просьба моя, аккуратно собрать информацию по делу, не выполнена. Вместо этого уже через сутки мне сообщают о том, что командированный сотрудник обнаружен при странных обстоятельствах в тяжелом состоянии в реке.

Хотя тон у начальника был железным, Лев понимал, что тот на самом деле чеканит слова не от раздражения, а лишь из-за беспокойства о своем подчиненном. Да настолько, что сам лично приехал в Ростов, чтобы убедиться – с Гуровым все в порядке. И Петр Николаевич вдруг заговорил тише:

– Кому-то ты, Лев, на чужой земле перешел дорогу сразу. Это значит только одно: что нечисто с этим делом, хоть и стараются его местные представить как семейные разборки любителя жениться. Поэтому от тебя постарались избавиться сразу, – генерал помолчал, размышляя. Затем тяжело вздохнул. – Машину Хваловой нашли, над ней сейчас работают эксперты. Тело пока не обнаружили. Ты уверен, что женщина была в тонущей машине?

Лев кивнул в ответ, у него до сих пор перед глазами стояли распахнутые дверцы тонущей машины. Генерал продолжил:

– У Хваловой из родственников нет никого, кто мог бы написать заявление, чтобы придать официальный ход поискам. Только сын десятилетний, он пока во временном приюте, ищут бабушку или другую родню. Тебя допустить к дальнейшему расследованию, сам понимаешь, будет сложно из-за этого эпизода. Но я решил, по-другому сделаем, – тон у генерала стал еще тише. – Официально ты остаешься в Ростове на время больничного. Будешь лежать в стационаре, врачи будут отпускать, когда потребуется. Неделю даю, чтобы выяснить, что тут за двойная игра. Только нужен помощник надежный из местных, чтобы молчал о том, что ты вполне себе уже оправился. Есть кто-то на примете?

Гуров мысленно представил Павла Сладкевича. Конечно, топорный опер, не блистающий логическим мышлением, не совсем тот вариант, который хотелось бы видеть рядом, зато он не замутнен желанием каждое дело любыми способами прибавить к списку раскрытых. Он, как и сам Гуров, горит желанием узнать правду о преступнике, помочь пострадавшим. При правильном контроле старательный майор станет хорошей поддержкой. Собственно, больше и некому доверять, уж точно не Бережнюку, который только и думает об одном – как выполнить план по раскрытиям. Ему как раз московский гость как кость поперек горла. Гурова вдруг пронзила догадка: «Ведь Бережнюк раньше вел дело Афанасьева. Ведь если там множество нарушений, а может, и есть сговор с преступником о закрытии дела, то майор мог пойти на любой шаг, чтобы прикрыть свои нарушения. Недаром же он поставил на розыскные мероприятия Сладкевича, которого даже за опера толком не считает из-за травмы. В открытую ему говорит, что готов отправить на пенсию. Дело в отказные, майора в отставку из-за здоровья, тогда и претензии о плохой работе предъявить будет особо некому». Он хотел уже было озвучить все мысли вслух, но горло выдало вместо слов натужное сипение. Его связки после нескольких часов в воде отказывались действовать. Генерал с досадой взмахнул рукой:

– Так, приказываю о работе на сутки забыть. Приходи в себя, Марии я сообщу аккуратно, что командировка у тебя продлена, пока на связь выходить не сможешь. Действуй по силам, Лев, – генерал помолчал и предложил: – Если хочешь отказаться, только дай знать.

Хотя по лицу своего подчиненного видел – тот не откажется от затеи докопаться до истины. Орлов засуетился возле тумбочки:

– Вещи твои из гостиницы привез сюда. Ты даже и чемодан, смотрю, не успел распаковать. Вода, витамины на тумбочке, с врачом сейчас переговорю лечащим. Телефон привез новый, сим-карту тоже пришлось новую поставить. Твой аппарат пропал, утонул вместо тебя.

Лев вдруг слабо улыбнулся: как же хлопочет вокруг него грозный генерал, скрывая свое беспокойство! Он нашел в себе силы прошептать:

– Спасибо.

После ухода Орлова Гуров снова задремал. По-прежнему во сне опять его кружила вода. Она была под ногами, утягивала чернотой вниз, где уже беспомощно, раскинув двери, словно крылья, уходил все глубже и глубже красный силуэт машины Хваловой. Вокруг силуэта кружились белые женские тела.

Сквозь дремоту словно током ударило: он здесь разлеживается вместо того, чтобы искать убийцу Хваловой. Пацан остался сиротой без матери, и все, что Гуров может сейчас – это найти преступника, который так хладнокровно расправился с молодой женщиной. Девчонка была настоящим бойцом: прошла онкологию, пережила предательство любимого мужчины и подруги, а потом еще и добилась успеха, помогала другим совершенно бескорыстно. Ради нее он теперь и должен встать сейчас же, найти в себе силы и заняться тем, что умеет делать отлично – отыскать убийцу Нади и других женщин. А ведь и впрямь, теперь можно предположить со значительной степенью уверенности, что пропавшие женщины – мертвы.

Лев со стоном поднялся с кровати. Его тело отозвалось ломотой в измученных мышцах, конечности с трудом слушались своего хозяина. Держась одной рукой за край, он растормошил сумку и принялся натягивать свою одежду взамен больничной пижамы. В дверь кто-то робко стукнул, опер откликнулся:

– Минуту! – задвинул разбросанные вещи под кровать, улегся, накинул сверху одеяло. После короткой нагрузки его опять начало сотрясать от лихорадки, по лицу пополз холодный пот крупными каплями, а тело зашло в произвольных судорогах.

Из-за двери просунулась голова с торчащими сосульками грязных волос. Смурной, с тяжелыми мешками под глазами, будто провел ночь без сна, с посеревшей кожей, Сладкевич замер в приоткрытой щели:

– Здравствуйте, господин полковник, – весь вид его напоминал провинившегося пса, который пришел просить прощения.

– Паша, мы же договорились без церемоний, – прохрипел с трудом Гуров и махнул рукой визитеру: – Заходи.

Павел сделал шаг, потом второй и неуверенно затоптался на расстоянии, сжимая в руках пакет с соком:

– Вот, принес. Сказали, вам восстанавливаться надо. Вы ведь чуть не утонули.

Сладкевич боком подошел к тумбочке, водрузил пакет и снова замер в нерешительности. На лице у него отражалось страдание, незадачливый опер вдруг решился и выпалил:

– Лев Иванович, то есть господин полковник, то есть Лев. Простите, что я вас одного оставил, это я виноват, что вы чуть не погибли. Вы ведь ни города не знаете, даже с делом толком не ознакомились. Я не должен был вас оставлять одного, вместе надо было ехать на встречу с Хваловой. Правильно мне Бережнюк говорит, что я нюх оперской потерял. – Дрожащей рукой Павел вытащил измятый лист из нагрудного кармана куртки. – Вот, рапорт написал, уходить из органов буду.

Он резко отвернулся в сторону, шагнул к окну и вцепился в подоконник, опустив подбородок к груди. Сотрудник уголовного розыска старался скрыть разрывающую изнутри досаду и отчаяние, хотя Гуров видел по поникшим плечам – мужчина совсем поник духом. Сладкевич глухо признался:

– Я ведь ничего больше не умею, только преступников ловить. В розыске всю жизнь. Сначала участковым, потом на юрфаке отучился на вечернем вместе с Бережнюком, и поперли землю топтать. Он вон выбился наверх, а я... После этой травмы все наперекосяк пошло, жена ушла и дочку забрала. С Толей раньше приятелями были, а теперь он спит и видит, как меня из отдела турнуть. Никому инвалид не нужен, вы первый, кто во мне опера увидел, профессионала, вместе дело распутывать начали. А я подвел... Под смерть подставил.

Гуров прохрипел:

– Садись.

Удивленный Павел отвернулся, глаза у него были красными от подступающих слез. Лев с трудом выдавил:

– Ты не виноват. Мы продолжаем. Ты – ноги, я – голова, пока в больнице лежу. Докладывай по Рыковой.

Его деловой тон возымел действие, майор мгновенно пришел в себя. Он присел в кресло, вытянул из куртки блокнот и сверился с записями:

– Рыкову видели на заправке, потом на трассе. Была мелкая авария, на месте уже работал патруль ГИБДД. Все свидетели говорят одно и то же, она ехала в машине одна на средней скорости, не торопилась и не нервничала. В салоне эксперты так ничего не обнаружили. Биологических следов или признаков борьбы нет. Вообще не понятно, куда и зачем она ехала, почему посередине трассы на подъезде к населенному пункту вышла. На связь она так и не выходила, на вокзалах и остановках ее не видели. Афанасьев сейчас дома, сидит под домашним арестом, адвокат жалобу подал на меня. Так что там в отделе Бережнюк мечет, что я вас подвел, дело развалил, на скандал попал, – мужчина горько усмехнулся. – Хоть обратно в участковые иди, да не возьмут уже из-за руки. Исполнится мечта Бережнюка меня в вахтеры записать на проходной какого-нибудь заводики.

Под долгим взглядом Гурова опер замолчал, остановив жалобы на свою несложившуюся жизнь. Лев прошептал новому напарнику:

– По Надежде Хваловой нужно проверку провести, она важная свидетельница, была подружкой Рыковой и владела всей информацией. Пройди по ее маршруту вчерашнему, где была и что делала. Ты опытный розыскник, знаешь, что искать.

Сладкевич кивал головой, делая пометки. Уточнил у напарника:

– По Афанасьеву что с допросом решаем? После исчезновения Хваловой есть повод его еще раз дернуть на допрос. Юрист, правда, снова закатит скандал, но пускай строчит свои жалобы, мне не привыкать.

– Афанасьева вчера под домашний арест отправили? – уточнил Гуров. Сладкевич закивал:

– Да, вчера, практически сразу после нашей беседы. Полагаете, не он?

– Не знаю, – вздохнул Гуров. – Мог и успеть, я совсем поздно вечером на стоянке у дома Хваловой был.

– Так что с допросом-то?

Гуров задумчиво покачал головой – пока рано говорить о допросе, голос еще не восстановился, а безмолвным наблюдателем ему быть не хотелось. Да и после исчезновения Надежды необходимо было сосредоточиться и понять, действительно ли Афанасьев похищает женщин и зачем ему это нужно. В конце концов, уголовного преступления в его многочисленных браках-разводах нет. А похищение бывших жен – уже уголовщина и грозит нехилым сроком. Проще уже готовую версию проверить во время беседы с подозреваемым, задавая заранее продуманные вопросы.

Павел поднялся с блокнотом в здоровой руке:

– Ну, я тогда пойду? Вечером найду и доложу вам, что удалось узнать. Принести что-то надо?

Гуров отрицательно качнул головой, захрипел:

– Позвони, закрыта будет больница для посетителей.

Опер лишь отмахнулся:

– Для обычных посетителей да, а корочки любые двери откроют. Вдруг что-то понадобится, вы звоните, не стесняйтесь.

Лев снова отказался. Спросил, осененный внезапной догадкой, с трудом владея голосом:

– Постой. В окрестностях того места, где Рыкова обнаружена, водоемы есть?

– Выясню, – кивнул Сладкевич. – Полагаете, что...

Гуров молча пожал плечами. Он дождался ухода опера и снова начал выкарабкиваться из кровати. Несколько шагов на дрожащих ногах – и вот перед ним коридор, окрашенный в унылый зеленый цвет. Вдоль палат на стульчиках расположились пациенты, ведущие тихие разговоры, санитарка с грохотом везла тележку с полными тарелками, обозначая время обеда. Больные начали расходиться по палатам, предвкушая приятный перерыв, только один Лев Иванович упорно брел медленными шагами по коридору, останавливаясь для передышки перед каждой дверью. Наконец нашлась нужная табличка «сестринская», откуда на его настойчивый стук высунулась коротко стриженная женщина с сонным лицом:

– Что шумим? Обрато в палату, кушаем и на сончас. Вечером врач осмотрит и разрешит вставать.

Голос за спиной остановил ее материнские интонации:

– Любовь Васильевна, я сам разберусь. Возвращайтесь к себе.

Медсестра цокнула и демонстративно закрыла дверь перед носом пациента. Высокий молодой парень в новехонькой форме коротко кивнул оперу:

– Ваш начальник уже ко мне заходил, обсудили с ним ситуацию. Что-то беспокоит вас сейчас?

Лев кивнул и указал на горло, с трудом прохрипел:

– Мне нужен голос.

Доктор усмехнулся, показал на соседнюю дверь:

– Проходите, сейчас вернем вам дар речи.

В процедурной он покопался в застекленных шкафах, откуда выудил маленький спрей.

– Открываем рот.

Струя со специфическим лекарственным ароматом ударила по небу, стекла вниз. Парень протянул лекарство:

– Минут через пятнадцать подействует, воду пейте, теплую, маленькими глотками. Каждые три часа повторяйте процедуру самостоятельно.

– Спасибо, – слова выходили уже легче из саднящего горла.

Врач вдруг улыбнулся заговорщически:

– Персонал я проинструктирую, чтобы не приставали к вам, в палате располагайтесь, как удобно. Меня предупредили, что вы можете отлучаться на важные задания. Сейчас кое-что покажу, – он торопливо подскочил и зашпешил в коридор, а потом вниз по лестнице.

Ослабевший Лев едва поспевал за ним на еще плохо действующих ногах. Ступени уперлись в черную ободранную дверь, парень приоткрыл ее так, что пахнуло свежим уличным воздухом:

– Смотрите, это черный вход для персонала. Здесь всегда открыто, даже ночью. Мы бегаем в магазин или подышать. Пользуйтесь, чтобы не пробираться через охрану на центральном входе.

Лев поблагодарил своего неожиданного помощника, сделал шаг наружу, вдохнул теплый воздух и вдруг понял – ему незачем возвращаться назад. Телефон у него с собой, данные пропавших девушек в памяти, а привычный блокнот с записями утонул в реке, когда опер несколько часов боролся со смертью. Он покопался в настройках нового аппарата, скачал навигатор и забил адрес первой пострадавшей.

Впереди его ждало расследование, неофициальное, трудное, и от этого вдвойне интересное. Обычно оперативник действовал в рамках уголовного дела, оглядываясь на сроки либо распоряжения генерала Орлова. А сейчас ему дали карт-бланш. Можно направлять свою энергию, куда он считает нужным.

Первым адресом, где побывал оперативник, была квартира Софии Дубровкиной, одной из пострадавших от манипуляций Афанасьева женщин. Это был огромный трехэтажный дом, стоявший в окружении из живой изгороди прямо на одной из тихих улочек города. Стоило сделать несколько шагов, как шумный центр вдруг стих, вокруг засияла густая зелень из-за высокой железной ограды, панорамные стекла второго этажа заиграли солнечными зайчиками. Оперативник было уже занес руку, чтобы позвонить в домофон, как невысокая полноватая женщина появилась на дорожке:

– Здравствуйте, не надо звонить. Звук все равно отключен, дети спят. Что вы хотели?

Он показал удостоверение и пояснил:

– Я по поводу Софии Дубровкиной.

Мягкое лицо вдруг исказилось от раздраженной гримасы:

– Нашлась! Ну я же говорила, прибежит, куда она денется. Натаскается, жрать захочет и приползет на брюхе, как всегда.

Опер на секунду растерялся от злых слов, но тут же уточнил:

– Извините, могу войти и переговорить с вами? Вы родственница?

Женщина раздраженно хмыкнула:

– Я – мачеха Сонькина. Войти нельзя, присылайте повестку или чего там у вас положено. Официальный разговор в РОВД как будет, так и поговорим.

– Подождите. София не нашлась, потому что ее никто не ищет. – Гуров остановил собеседницу, которая уже сделала шаг назад к дому. – Мы не можем прислать повестку, ведь вы не подавали заявление о ее пропаже. Органы не могут заниматься ее розыском официально, если нет заявления о пропаже от родственников. Почему вы не сообщили, что она исчезла? Давно это произошло?

Мачеха Дубровкиной усмехнулась и вдруг поспешно затараторила, поглядывая на сонную тихую веранду, рядом с которой были разбросаны игрушки:

– Да кому она нужна, пропала, так отцу только легче – некому до инфаркта доводить. Она его в прошлом году уже чуть со свету не сжила, когда замуж за этого прохиндея Афанасьева выскочила через два дня знакомства. Умудрилась на него свою квартиру переписать, назанимала по всему городу этому Сереже в карман, а он ей морду расквасил и сбежал через неделю. Как и все ее женишки. Я бы на ее месте заяву накатала на избиение, а та – нет, стыдно ей, понимаете ли. Соньку отец с детства избаловал. Он всегда ей потакал, жалел, что она без матери росла. Теперь Сонька творит, что хочет. Подбирает всякую шваль себе в дружки, они ей то ребенка заделают, то машину разобьют, то к бутылке ее приучат. А нам с отцом ее все разгрести. Детей Сонькиных растим, отец деньги вбухивает на все ее прихоти. Да даже денег мне не жалко, он заработал хорошо, всю жизнь старается для семьи, раньше депутатом был. Только немолодой уже, волнуется, переживает после каждой истории с дочерью. А я молюсь, чтобы она из очередного своего загула не вернулась никогда, понятно? Вот и не пишем заявление, не нужна она здесь. Отец думает, что она снова к подружкам в Москву подалась гулять. Пускай так и думает, у него есть о ком заботиться, вон, трое внуков подрастают, хоть бы в мать не пошли непутевую. Так что присылайте повестку – придем, а нет – так Соньку не ищите. У нее как деньги закончатся, так сама прибежит. Сто раз приходила и сто первый придет, дрянная распутная. Ей от семьи только деньги нужны на пьянки да тряпки.

Гуров попытался надавить на совесть пожилой женщины:

– А если ее похитили, если ей нужна помощь? Без заявления мы не сможем помочь.

Та, чутко прислушиваясь к звукам на веранде, отмахнулась от него:

– Бог поможет, мы уже напомогались. Я полжизни с ней провозилась, хоть и не родная.

Отец миллионы ввалил, а она только пить да гулять научилась. Не вышло ничего хорошего из девки. Нам страдания одни от нее. Так что вы не тревожьте нас, прошу по-хорошему. Не будет никаких заявлений, она еще две недели назад с отцом поругалась и умотала куда-то. Куда – не знаем, подружек ее, шалав, тоже не знаем. Она часто на месяцок-другой пропадает, нам только легче. Детям на вечно пьяную мать не смотреть, а мне за ней бутылки не собирать по всему дому. Пропала – и ладно, никто не заплачет. Не лезьте, не доводите отца до инфаркта. Пускай думает, что загуляла его дочка, как обычно.

В глубине кто-то тонко захныкал, и хозяйка дома бросилась по дорожке к внуку, оставив растерянного опера у закрытых ворот. Гуров совсем не ожидал, что среди потерпевших женщин окажется такой экземпляр. Неизвестно, где искать Дубровкину, у которой даже родственники рады ее исчезновению. Может быть, и правда девушка просто загуляла, как она делала несколько раз, а он потратит время на расспросы и поиски. Хотя есть еще и другие пропавшие: Рыкова и Заицкая, бывшая подруга Надежды. Именно их исчезновение подтвердила Надежда Хвалова, она была точно уверена, что женщины пропали не случайно. Маршрут Рыковой проверил его помощник, значит, ему остается встретиться и поговорить с родственниками пропавших.

По следующему адресу Лев Гуров добрался быстро – квартира оказалась расположена в центре города неподалеку от большого торгового центра. Престижные когда-то дома, в которых, видимо, пару десятков лет назад жила элита города, отгородил большой парк, где в такое время прогуливались мамы с колясками, сидели на лавочках в тени благообразные старички. Он немного поплутал между металлическими коваными заборами в поисках нужного дома. У одной из сталинок с пышными клумбами рядом с подъездами опер остановился – вот дом, где живет – или жила – Марина Заицкая. Хотя подниматься в квартиру Гуров не спешил, прошелся вдоль дома, рассматривая затейливые посадки. На одной из клумб копалась в земле худенькая старушка в огромной шляпе, при виде незнакомца она приветливо кивнула:

– Цветы понравились? Только прошу, если хотите взять отростки, то попросите меня, и я дам вам саженцы. Эти сорта очень капризные, не любят чужие руки. Можете смеяться надо

мною, но я занимаюсь цветоводством и селекцией всю свою жизнь, поэтому знаю, о чем говорю. У растений есть душа, они все чувствуют и понимают. Погибнут даже от прикосновения.

Лев Иванович смущенно улыбнулся:

– Цветы у вас действительно шикарные. И я верю, что у них есть душа. К сожалению, саженцы я при всем желании взять не смогу. Не перенесут перелет до Москвы.

Из-под широких полей на опера блеснул пронизательный взгляд:

– А сразу понятно, что вы не местный.

– Как же вы определили? – удивился мужчина догадливости пожилой садовницы.

Та лукаво улыбнулась:

– Все просто. Вас выдала одежда. Слишком теплая обувь и джинсы, значит, не было возможности переодеться, потому что основной гардероб находится далеко.

Лев подхватил легкую лопатку рядом со старушкой:

– Вы – настоящий Шерлок Холмс. Давайте помогу вам сделать грядки? Мне будет приятно.

Старушка уточнила:

– Как же ваш визит? Неужели вас не ждут к определенному времени? Помощь, конечно, будет кстати. У этих розовых кустов развитая корневая система, и им нужна глубокая яма.

Лев с удовольствием принялся за работу, хоть руки его до сих пор плохо слушались. Ритмичные движения разгоняли кровь, освобождая от ледяного онемения. Женщина рядом вежливо уточнила:

– Вы к кому-то пришли в гости? Если не хотите рассказывать, то забудьте о наглых вопросах назойливой старухи.

Лев развел руки в стороны, будто извиняясь:

– Я надеялся, что это вы мне расскажете. Вы очень пронизательны, думаю, многое знаете о жильцах дома. А мне надо узнать кое-что о Заицкой Марине.

Морщинистое личико сразу потемнело от грусти:

– Это ведь из-за ее неудачного замужества, да? Весь город говорит об этих несчастных женщинах.

Пенсионерка присела на складной стульчик и поправила шляпу, наблюдая, как лопата проделывает срезы в рыхлой земле:

– Рассказать про Марину? Знаете, ведь я ее знаю с самого рождения, знаю всю семью. Рассказать много что могу, но, наверное, вам не нужны ее счастливые годы, когда Мариша была девочкой, потом стала девушкой. Такая красивая, ладная получилась девчонка. Правда, из-за родовой травмы небольшая асимметрия была, родители ее таскали по врачам, но исправить ничего не получилось. Хотя мне кажется, ей это не мешало в детстве. Девочка росла как обычный ребенок – школа, музыкалка, пионерлагерь. Она – поздняя роза, созрела после двадцати уже. Ее родители, хорошие ученые, к тому времени уехали работать по контракту в Испанию в местный университет, там же ей нашелся жених. Они даже какое-то время собирались всей семьей эмигрировать в другую страну навсегда. Но несчастье оборвало все планы. Произошла авария, в ней погибли родители. Потом развод в Испании, и Мариша вернулась к нам сюда, в свой старый двор, в свое детство. Привезла деток, такие интересные близняшки получились. Метисы, кудрявые, живые, как ртуть, с местными у них не сложилось общение. Из-за цвета кожи да из-за того, что на двух языках говорят – чужими они здесь оказались, да и Марише возвращение тяжело далось. Оказалась вдруг одиночкой с двумя детьми, без поддержки родителей. Мужчины и так сложностей не любят, к тому же еще внешность своеобразная, поэтому тосковала она без внимания, без любви. Женщина – она ведь, как цветок в воде, нуждается в заботе и любви. Когда у нее жених появился, Сергей, она просто преобразилась, порхала и цвела. Наряджалась каждый день. Я рада была за нее, хотя бывший муж резко выступил против нового брака. Когда узнал, что Марина и Сергей зарегистрировали отношения, то забрал детей

к себе. Я так понимаю, навсегда, уже больше года я наших экзотов не видела. Маришка недолго поцвела. Сергей вдруг исчез, с работы и на работу она пешком стала ходить. Машину продала. Подурнела, постарела, глаза в землю опустит и идет, здороваается так, что еле слышно. Потом в газетах я про этого Сергея прочитала, что женщин он дурил, забирал все имущество после женитьбы, а потом бросал. Видный, конечно, мужчина, с манерами хорошими. Неудивительно, что стольким девушкам голову вскружил, у нас всегда приятных мужчин дефицит. Жаль, что наша Марина тоже попала на его удочку.

Старушка встрепенулась на стульчике:

– Ой, совсем заболталась, только дай мне повод. Спасибо вам большое, теперь мои кусты точно приживутся. Я по вам вижу, что вы человек хороший, это важно при посадке. Чистые мысли, настрой правильный, растения все чувствуют.

Лев отряхнул ладони:

– А Сергей Афанасьев, муж Марины, он какой был? Хороший человек?

Пожилая женщина задумалась на несколько секунд:

– Трудно объяснить. На первый взгляд приятное впечатление производит. Статный, одет с иголки и вежливый. Глаза у него только какие-то равнодушные, холодные всегда. Не знаю даже, как вам это объяснить, тяжело взглядами встречаться.

Опер задал последний вопрос:

– Саму Марину вы давно видели?

Пенсионерка достала из кармана крошечный календарик и сверилась по числам:

– Так, я сажала фиалки в тот день. Значит, это было две недели назад, восемнадцатого числа. Утром, часов в девять, пока солнце еще не жаркое, высадила цветы и поливала их. Мариша как раз вышла из подъезда. Я возьми и ляпни: «Что, на дачу собралась?» Совсем позабыла, что дом загородный – родительское наследство – она переписала по глупости на своего второго мужа, на мошенника этого. Тот дом Заицкие любили очень, в поселке для академиков, двухэтажный, на берегу озера в сосновом лесу. Чудесное место, сейчас там одни депутаты живут. Думала, Маришу за большое задела, а она улыбнулась вдруг так светло и ответила, что скоро обязательно поедет на дачу. И пошла себе по делам, я еще подумала – ожила девчонка, отошла от своей беды. Плечики расправила, голову подняла. С тех пор я ее не видела.

Гуров вдруг заторопился, надеясь получить помощи у своей собеседницы:

– Послушайте, а вы можете разыскать родственников Заицких? Кого-то, кто мог бы написать заявление о ее пропаже? Без него Марину полиция искать не будет, нет официального повода, а у оперативного отдела есть подозрения, что она пострадала из-за истории с мошенником. Ее никто не видел уже больше двух недель, она не выходит на связь. Конечно, может быть, просто уехала навестить детей в Испанию. Но лучше ведь проверить. Сможете помочь?

Губы у женщины задрожали, глаза подернуло влагой, и все же она твердо кивнула:

– Конечно, я обращусь в институт, где работали ее родители. Сообщим мужу, родственников найдем. Я обязательно найду близких Мариночки. Она мне не чужой человек. Если что-то узнаю, то расскажу вам.

– Конечно, – обрадовался опер и принялся записывать свой номер на клочке бумаги. – Вот, держите. Любая информация, пускай даже мелочь. Кто ее видел или слышал что-то, куда она шла две недели назад, какие были планы, с кем собиралась увидеться. Это все важно. Сразу звоните мне.

Из двора крепкой сталинки он выходил обнадеженным – дело сдвинулось с мертвой точки. У него есть свидетели, поддержка, которые тоже переживают за судьбу пропавших женщин. Осталось встретиться теперь с матерью Рыковой, может быть, она даст направление поискам.

К последнему адресу оперу пришлось добираться с несколькими пересадками. Непривычный к общественному транспорту, в незнакомом городе, он по карте выверил маршрут

и все-таки оказался на месте уже ближе к вечеру. С досадой, что столько времени ушло на разъезды, Лев прошелся по узким улочкам. Тротуары были плотно забиты припаркованными автомобилями, сотни людей спешили с остановок к своим домам. Тут же рядом, с уханьем, огромный механизм долбил сваи в новой яме, а дети месили из густой грязи вокруг бетонной ограды черные куличики. Микрорайон из дешевых панелек рос на глазах, похожий на гигантский муравейник, где озабоченные трудяги продолжают беспокоиться, снова взад и вперед, пока не забудутся коротким сном. Гуров долго ждал возле лифта, пока железная кабина проглатывала порции из людей, которым надо было на верхние этажи. От ожидания в душной тесноте, затхлого запаха из мусоропровода еще не оправившегося опера вдруг снова захлестнуло слабостью. Он развернулся и пошел пешком на семнадцатый этаж, где жила семья Людмилы, хоть и чувствовал, что под плотной курткой течет пот по спине от каждого крутого пролета.

На стук в тонкую дверь торопливо зашаркали шаги, щелкнул замок – на пороге застыла пожилая женщина. Даже в сумраке коридора было видно, что она жадно всматривается в лицо гостя, ожидая хороших вестей:

– Людочка нашлась? Она жива?

Лев с усилием ответил:

– Нет. Но я сотрудник полиции, веду ее поиски и хотел бы уточнить кое-какие детали.

Надежда в глазах женщины погасла, она посерела и отступила неуверенно в глубину квартиры:

– Заходите, – голос стал совсем тихим, больше похожим на шелест.

Он шагнул за порог и чуть не врезался в девочку лет шести, которая прижалась к стене коридора. Она, как и бабушка, смотрела на незнакомца с надеждой, в глазах застыло ожидание. Лев почувствовал горькую досаду от собственного бессилия: «Они ждут, когда Люда вернется домой. Каждый звонок, стук в дверь – это надежда, которая исчезает снова и снова. Как же это мучительно, будто умираешь по несколько раз в день». Опер осторожно обошел ребенка, шагнул в темную комнату с задернутыми плотными шторами. Здесь не было слышно жизни, что кипела снаружи. Тихо потрескивали свечи перед иконами, мерно отстукивал минуты будильник на столе, заваленном фотографиями молодой женщины, девушки, девочки. Пожилая женщина села в кресло, не отрывая взгляда от стола. Лев присел на край колченого табурета.

– Можете рассказать мне об обычном расписании Людмилы? О том, чем она занималась перед тем, как пропала. С кем встречалась, куда ходила. Подруги, знакомые, все, что вспомните. Все подробности, может быть, какая-то из них окажется важной.

Он замолчал. Мать Людмилы будто не слышала его. Женщина с легкой улыбкой смотрела на рассыпанные по вытертой скатерти фотографии. Она протянула руку к снимку, где у нее, молодой, улыбающейся, сидела на руках девочка с россыпью веснушек на лице. Голос был наполнен нежностью:

– Со всеми встречалась. С девочками другими, с невестами Сергея. С коллегами. Людочка всегда была общительной, тепло из нее так и шло. Недаром солнышко ее поцеловало, все усыпало веснушками. Одноклассник в школе ее как-то раз рябой обозвал, она так плакала. А я ее утешала. Дурочка, это же солнышко тебя отметило своими поцелуями, веснушечками. С головы до пят исцеловало, ты – его любимая доченька, даже имя подходящее. Лю-у-удочка, лу-у-учик. Золотая моя девочка, – дрожащие пальцы провели по другой фотографии. – Ведь столько раз я тебе говорила, это красота твоя, а не уродство. Ну и что, что парни не смотрят. Найдется тот, кто полюбит, каждую веснушечку твою поцелует. Разные люди бывают, и обманщики встречаются. Но что бы ни случилось, у тебя защитники есть – я и солнышко.

– Извините, вы расскажете мне про тот день, когда Людмила пропала? – попытался вернуть женщину в реальность опер.

Но та не слышала его, перебирала одну фотографию за другой, гладила их и тихо продолжала вести бесконечный разговор с пропавшей дочерью. Лев позвал несчастную несколько

раз, но без толку. Пожилая женщина погрузилась в свою собственную реальность, где дочь отвечала ей, спорила, жаловалась на то, что парни обходят стороной из-за веснушек, усыпавших все тело. Гуров выругался себе под нос и решил, что хотя бы осмотрит комнату Люды, ее личные вещи, раз с родственницей разговор вести невозможно. Он осторожно постучал в ободранную филенку двери, затем шагнул в крошечную комнату, где на краю диванчика сидела девочка с двумя рыжими растрепанными хвостиками. С детьми Лев Иванович чувствовал себя неловко, уж слишком взрослая у него была профессия, полная таких вещей, с которыми детям лучше не сталкиваться. Он поздоровался, не зная с чего начать разговор, представился:

– Я из полиции, ищу твою маму. Я хочу посмотреть ее вещи, может быть, они мне помогут ее найти. Где они лежат? Ты можешь сказать? Бабушка занята пока. Поможешь мне?

Дочка Люды кивнула и ткнула пальцем в коробку, где были аккуратно уложены стопки документов. Лев присел рядом, пробежался по листам: дипломы об образовании, свидетельство о рождении дочери, свидетельство о браке с Афанасьевым, дарственные и толстые пачки ходатайств, заявлений, жалоб. Он вытащил всю кипу:

– Я заберу вот эти бумаги, они важные и помогут понять, почему твоя мама пропала.

Девочка вдруг вытащила из-под подушки грязного игрушечного кота, протянула игрушку Гурову:

– Вот, мама сказала, что за работу надо платить. У меня денег нет, но я кота вам отдам. Найдите маму.

Руки у него ослабели настолько, что пачка листов чуть не вывалилась на пол. Опер расерянно пробормотал:

– Что ты, не надо, я и так ее буду искать. Без денег. Не переживай, я все сделаю, что смогу. Пускай игрушка у тебя останется.

Гуров вдруг понял, что ладошки у девочки грязные, а волосы сбились в путаные сосульки. Он уточнил:

– Ты когда ела? Бабушка тебя кормила?

Та в ответ насупилась и пробурчала под нос:

– Я сама поела. Хлеб, – потом вскинула голубые до прозрачности глаза и снова попросила: – Найдите маму. Спросите дядю Сережу, где она.

– Почему ты думаешь, что он знает, где она?

Девочка заметно погрузнела:

– Он был, как у собаки хозяин, говорил, что делать. Мама его слушалась. Он потом пропал, и мы сюда переехали. Мама, наверное, ушла искать его.

Гуров осторожно взял ее за руку:

– Я спрошу у дяди Сережи, где твоя мама. Обещаю тебе. Пойдем проверим, что есть в холодильнике.

Но та интуитивно, почувствовав опасность, что ее хрупкий мирок может быть нарушен этим незнакомцем, дернулась в сторону и кинулась на кровать лицом в подушку. Лев и сам знал, что его ждет на кухне: прокисшая еда в кастрюлях, грязь, крошки, разбросанная еда, обкусанный ребенком хлеб. Бабушка уже несколько суток в прострации, скорее всего, ее нужно отправить в стационар для лечения пострадавшей от шока психики. Она не замечает внучку, все ее мысли с дочерью, в другом мире, где смешались прошлое и фантазии. Несчастливая усыпанная веснушками девочка стала фактически сиротой, бродит по опустевшей квартире неприкаянная, вздрагивая в надежде от каждого звука, голодная и ждущая мать, как собачка у двери.

Опер кинулся на площадку, забарабанил в соседние двери. На стук выскочила высокая девушка в коротком халатике:

– Ну чего, задолбали шуметь! Сейчас муж вернется с работы, устроит вам!

Гуров ткнул в соседнюю дверь:

– Извините, что напугал. Там ребенок, маленький. Без присмотра. Можете ее забрать к себе ненадолго, до утра, скорее всего? Завтра я постараюсь прислать социальную опеку и врачей для ее бабушки.

Только соседка скривилась от его просьбы:

– Чего, рябым этим помогать? Не дождутся, больно надо. Идиотка, профукала все деньги на мужика, а теперь к нам переехала в клоповник. Я про нее читала. Вот пускай сама и разбирается!

Дверь с грохотом захлопнулась перед носом опера, и тот замер в недоумении, какие же ожесточенные здесь живут люди. Даже ему, профессиональному сыщику, который видел многое на своей работе, совесть не позволяла оставить ребенка в таком бедственном положении – голодного, без присмотра, рядом со старым и больным человеком. Здесь, в чужом городе, перед бывалым опером выросла стена человеческого равнодушия.

Гуров ринулся вниз по ступеням, а дальше – к светящимся окнам супермаркета. В магазине ему пришлось выстоять длинную очередь к кассе под недовольное бурчание соседей, которые обсуждали грязный подъезд, машины, стоящие на клумбах, и сломанные вандалами детские качели.

Наконец, почти через час опер снова был в квартире Людмилы Рыковой. Дверь так и оставалась открытой, поэтому вошел он без всяких препятствий. Старушка ринулась снова навстречу:

– Людочка нашлась? Жива? – На его отрицательное движение головой сразу погасла, съезжилась и исчезла в комнате с фотографиями, словно черепаха в своем панцире.

Опер же прошел на кухню, где его новая знакомая пила воду из грязного стакана. Он предложил:

– Давай я буду мыть посуду, а ты вытирать, пока варятся пельмени. Ты любишь пельмени?

Личико в золотистых пятнышках озарила улыбка, девочка кивнула и потянулась за полотенцем на столе.

Следующий час, как заправская хозяйка, Лев наводил порядок на чужой кухне, укладывал свои покупки, объясняя дочери Рыковой, которую звали Настя, что нужно будет сделать в ее новой самостоятельной жизни:

– Хлеб, колбасу, сыр я тебе нарезал, просто сложишь в стопочку – и будет бутерброд. С молоком можно поесть. Яблоки, бананы, груши есть. Ну и вафли купил тебе. Ты ешь такие? Сок, воду, везде открутил пробки – пей, что понравится. Завтра придет тетя, она тебе поможет ухаживать за бабушкой. Ты сможешь сама за ней присмотреть до завтра?

Настя ела жадно пельмени и между укусами соглашалась:

– Смогу. Я чай умею делать, лапшу заваривать. Мыть фрукты. Мама когда болела, я все приносила ей в кровать, чтобы она не плакала.

– А почему она плакала?

Лев понимал, что это незаконно – без присутствия опекуна расспрашивать вот так девочку, пользуясь детской наивностью. Только ситуация сложилась не из простых: женщины пропали, но никто их не ищет; брошенный ребенок в опасности, а он никак не может официально ей помочь. Трагедия следовала за трагедией, при этом полиция, власть вдруг оказались бессильными. Даже он, как представитель закона, был сейчас беспомощен в чужом городе, вынужден действовать не по привычной схеме.

От дома Рыковой Гуров шел пешком, изредка сверяясь с навигатором, правильное ли держит направление. Ноги гудели от напряжения, но четкий ритм помогал сосредоточиться, упорядочить мысли. Опер продумывал дальнейшие действия – провести допрос Афанасьева, проверить документы, найденные в квартире Рыковой, и в то же время понимал, что это не поможет. Все лежит на поверхности, но у них нет доказательств, нет железных аргументов, чтобы закрыть мошенника в тюрьме и начать исследовать каждый его шаг, каждую минуту

жизни, где можно найти ошибку. По дороге у Гурова созрел другой план в голове. И он, заметив возле входа в больницу уже знакомую, чуть перекошенную фигуру Сладкевича, с жаром принялся пересказывать ему свои размышления:

– Афанасьев очень уверен в своей позиции, он точно знает, что мы не найдем никаких доказательств похищения женщин. Да и, скорее всего, это не было похищением. Они знали его, может быть, добровольно приезжали на встречу в надежде исправить ситуацию, вернуть свои деньги. Ну, или вернуть отношения. Вот что он делал с ними дальше – знает только сам Афанасьев. Боюсь, что на обычном допросе жиголо не признается, слишком уж он циничен. Трудно пробить такую защиту, он не считает обманутых женщин людьми, относится свысока, поэтому давить на совесть или уговаривать бесполезно.

– И что тогда делать? – голос у Павла звенел от досады. Лица не было видно из-за ночных сумерек, но было слышно, с каким интересом он ждет ответа.

Лев расхаживал взад-вперед: пара шагов влево, пара шагов вправо. Это помогало мыслям не скакать лихорадочно, а он с трудом сдерживал волнение. Ему хотелось выплеснуть тревогу за маленькую девочку или немедленно как-то помочь ей. Он вдруг остановился, напрягся, напоминая зверя, который сейчас достигнет добычу:

– Надо дать Афанасьеву возможность совершить ошибку, разрушить его планы, чтобы он растерялся. Ведь, получается, он смеется откровенно над нашими попытками добыть информацию. А если что-то в его плане нарушить или сделать вид, что нарушилось?

Павел пожал плечами в недоумении:

– Что, например? Даже в голову не приходит ничего. Снова в СИЗО? Так его адвокат выгасит через пару суток и новую жалобу на меня напишет. – Он вдруг замолчал и неуверенно уточнил: – Или вы что имеете в виду? Закрыть его и устроить... сами знаете... чтобы без видимых телесных. Ласточка, конвертик, телеграф телеграфыч, – он перечислял названия не слишком-то законных пыток в сленге полицейских. В ответ на молчание Гурова опер протянул недовольно: – Думал я уже о таком. Не из-за того, что Бережнюк требует раскрытий, а женщин мне этих жалко и ребятишек брошенных. Афанасьев – это зверь в шкуре человека, вот с ним по-человечески и нет смысла. Лучше вот так, наверное.

Гуров покрутил головой:

– Нет, у тебя потом наверняка будут проблемы после такого, вплоть до увольнения из органов. Да и смысла особого нет, под пытками что угодно люди говорят, и словам таким – грош цена. Мы его по-другому выведем из себя! Устроим утку подсадную. Допустим версию, что нападение на Надежду и меня устроил Афанасьев. Можно, конечно, проверить алиби, но в тот момент он уже вышел из СИЗО. Его защитник будет утверждать, что был рядом со своим клиентом. Нападавший ведь связал меня, значит, хотел запутать следы, а не подставить, сделав возможным убийцей. Смерть полицейского, почти случайного, на высокой должности, который приехал пару часов назад и даже представления не имеет о деле, не несет особого смысла, кроме как отвлечь внимание от пропавших девушек. Связи между преступлениями особо нет, а вот силы все бросят на поиски убийцы сотрудника МВД, да и начальство за такое строже спрашивает. Поэтому исчезновение женщин, еще и без заявлений, а он начал именно с тех, о ком никто не побеспокоился бы, на таком фоне совсем бы затерялось. Чтобы прикрыть большое преступление, он совершил другое, не связанное с ним. Если его расчет даст сбой, то Афанасьев растеряет свой лоск, замечется и совершит ошибку.

Сладкевич занервничал на лавке:

– Да что вы все загадками говорите, чего делать-то, скажите уже. Я так замудрено не умею, у нас на районе проще все, чем в Москве.

Гуров подсел поближе, заговорил тихо:

– Так, смотри, тебе нужно дернуть Афанасьева на повторный допрос. Можешь с адвокатом, как положено. Все стандартно, в связи с исчезновением Надежды Хваловой. Кстати, тела нашли?

– Нет, – вздохнул Павел. – Водолазы тот участок обшарили, автомобиль достали. Тела нет. Бережнюк сказал – хватит ресурсы расходовать, потом сама всплывет, – он стукнул себя по колену кулаком. – Почерк тот же, машина есть, тела нет! Куда он их деваает?!

– Покажет, – уверенно заявил Лев. – Обрато пускай его доставит автозак с охраной, а внутри буду сидеть я.

От изумления его напарник не сдержал вскрик:

– Вы?! А как и чего там делать будете?!

– Сидеть, Паша, сидеть, по подозрению в убийстве Надежды Хваловой. Якобы я в нем признался под, скажем так, под специфическими методами допроса. – Поймав недоумевающий взгляд напарника, Гуров уточнил: – Под пытками рассказал, где спрятал тело. В подробностях поведал, как убил и чем, чистосердечное, можно сказать. О чем и сообщу Афанасьеву. Представляешь, какой у него будет шок? Убитый им мент не только выжил, но еще и взял на себя его преступление, оговорил себя. Скажу, что знаю, где спрятаны остальные тела. Или что догадался о месте захоронения. Что бы ты на его месте сделал в такой ситуации, как только адвокат вытащит из изолятора на свободу?

– Проверять, конечно, кинулся захоронение. А еще – перепрятать или уничтожить все следы бы постарался. Может, вешдоки подкинуть так, чтобы на опера подумали. Например, сумочку какую-нибудь рядом с гостиницей, где вы жили. И он побежит это делать, как только выйдет из СИЗО, ведь самым умным себя считает! – Теперь Сладкевич хлопнул себя по ляжке в полном восторге от идеи. – А мы сможем за ним проследить и поймать прямо с уликами! Хитро как придумали!

Лев положил на плечо руку Павлу:

– Никто не должен знать о задуманном. Это не операция, а наша задумка. Что-то сорвется – по голове не погладят за самодеятельность. Договориться сможешь с охраной из изолятора, чтобы везли помедленнее и потом перед воротами меня выпустили?

– Конечно, конечно, – напарник был взбудоражен удачной задумкой. Он уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле лавки. – Вечером завтра запланируем часиков на шесть операцию? Чтобы народу в РОВД было поменьше. Я Афанасьева с обеда помариную хорошо, чтобы разозлился, устал, голова перестала соображать, а потом с охраной отправлю в клетку на пару часов. Выпущу, как адвокат бучу поднимет, сделаю вид, что испугался его связей. Афанасьев во время допроса и потом в СИЗО издегается весь.

– Правильно мыслишь, Павел, измотать его надо, чтобы ошибку допустил. Как только отпустишь, прыгай в машину и на наружку. Веди его от СИЗО, не упusti, когда он кинется следы заметать. На захват не бросайся ни в коем случае, дожидись меня. Если женщины еще живы, то нам подмога понадобится, чтобы без жертв их освободить. Афанасьев с военной выучкой, поэтому нужна будет группа захвата. Я со своим начальством согласую, помогут подержать парней с оружием пару часов на готовности номер один, надеюсь, что это понадобится. Освободим женщин, а с их показаниями Афанасьеву никуда уже не деться.

Твердая ладонь вдруг перехватила пальцы Гурова и горячо сжала:

– Спасибо, Лев Иванович. Вы – настоящий опер, вы меня как к жизни обратно вернули. Из болота вытащили. Даже если ничего не выгорит, я теперь знаю, что не только бережнюки одни кругом.

Опер тряхнул руку и посоветовал:

– Нормально, работа такая. Ты вот что, лучше помоги разобраться аккуратно с проблемой. – Лев рассказал о состоянии матери Людмилы Рыковой, о заброшенном одиноком ребенке

без присмотра и был обрадован обещанием Павла завтра найти родственников, которые могли бы приютить девочку.

С облегчением оперуполномоченный дружески хлопнул по плечу коллегу:

– Сейчас дуй домой, отоспись как следует. Следующие сутки на ногах будут. Но ты мужик крепкий, выстоишь.

– Ладно, пошел. Вам тоже спокойной ночи.

Лев проводил взглядом раскачивающуюся походку, пока не хлопнула дверка машины. Потом набрал номер Орлова, все-таки лучше генералу знать о рискованных планах своего подчиненного. Ему не хотелось возвращаться в палату, после жарких пробежек по городскому зною было так приятно почувствовать прохладу, которая расползлась по земле, постепенно поднималась вверх. Вместе с затихающей жарой успокоились и мысли Льва, он снова и снова, как под микроскопом, рассматривал фигуру Афанасьева, пытаясь понять логику его действий:

«Высокомерный, уверенный в себе, женщин равными себе не считает. Он относится к ним, как к инструменту. Одно слабое место – у него, очевидно, есть ребенок и он его любит, готов ради него на решительные действия. Надо разыскать данные по Афанасьеву, его семье, проверить все его браки. Кстати, почему это до сих пор не сделано? Ведь если он был столько раз женат, то одна из женщин могла забеременеть и родить от него ребенка. А это, видимо, много значит для «вечного жениха». Второй момент – Афанасьев заиклен на своей внешности. Он рассматривает себя в зеркало, любит себя, ухаживает, а такие нарциссы плохо переваривают физическое насилие. Соппротивление жертвы, царапины, синяки, потеки крови – это не для него, испачкают белоснежную рубашку или начищенные туфли. Он кинется, только если его вывести из себя, сильно разозлить. Но чем его могли спровоцировать несчастные женщины? Ответ лежит на поверхности – деньги. Они могли, объединившись вместе, все-таки добиться правосудия и вернуть свои деньги, имущество, бизнесы. Поэтому он начал их таким образом запугивать, убирал по одной, четко просчитывая свои цели. Сначала – самые простые варианты, когда ни полиция, ни родственники не отреагируют на пропажу. А потом перешел к главному организатору объединения его бывших жен – Людмиле Рыковой. Сейчас, лишенные лидера, напуганные близкой опасностью, заявительницы начнут отказываться от своих претензий. И дело, в мировой инстанции или уголовной, но будет закрыто. Как говорят адвокаты, развалено.

Лев вспомнил, с какой надеждой на него смотрела Настя Рыкова, протягивая любимую игрушку в качестве оплаты. Он пробормотал себе под нос: «Не уйдешь, гад. За все ответишь». Опер потянулся на лавке. Как ни приятно сидеть вот так, под темным куполом с сияющими звездами, но его ждет завтра долгий день – пора возвращаться в его временное пристанище, больничную палату.

На свою скрипучую койку Гуров пробрался без труда, даже медсестра, которая дремала на посту рядом с раскрытыми журналами, не проснулась от его тихих шагов.

В темноте палаты Лев еще долго не мог уснуть, обдумывая каждую деталь, слова, которые завтра он скажет Афанасьеву.

Глава 4

Утро в больнице началось рано с громыхания каталок в коридоре, шарканья десятков ног и протяжного крика медсестры:

– Третья палата, на уколы проходим!

Молодой врач осмотрел Гурова и удивленно отметил:

– Крепкий организм, вам повезло, так быстро восстанавливаетесь. Другой бы после такого приключения заработал воспаление почек или легких, а вы уже на вторые сутки на ногах и так активно идете на поправку.

– Это все ваш волшебный спрей, – подмигнул опер парню, и тот расцвел от похвалы.

По лестнице к черному входу Лев спустился, натягивая куртку и одновременно набирая номер Сладкевича. Надо торопиться, поездки по городу жирают много времени. Как же сложно работать без машины!

В трубке зазвучал бодрый голос:

– Доброе утро! Я уже вызвал Афанасьева, с парнями из СИЗО договорился. Все по плану?

Гуров откликнулся:

– Да, вечером все в силе. Можешь разузнать адрес, где сейчас находится сын Хваловой? Где расположен приют?

Павел не смог скрыть удивления:

– Для чего с ним общаться? Я его уже опросил. Мальчик делал уроки в своей комнате, ничего не слышал. Даже не мог ответить, во сколько мать вышла из дома.

– Мне нужны подробности того вечера. С кем разговаривала, как себя вела, во что была одета. Такие детали впечатляют, Афанасьев не должен почувствовать ложь.

Коллега хмыкнул на том конце провода:

– Как знаете, товарищ полковник, охота вам возиться. Мне кажется, и без того гениальная идея, Афанасьев будет в шоке. Мальчик находится во временном приюте, записывайте адрес. Или лучше давайте я вас туда отвезу, до обеда еще время есть. Район отдаленный, на другом берегу расположен, весь день убьете на левое дело. Скоро буду.

Лев не успел ответить, как напарник бросил трубку, что удивило опера. Обычно у рядового сотрудника дел невпроворот и график работы без всяких перерывов на обед или отдых. Особенно когда насаждает начальство, требуя раскрыть дело. Каждая минута на счету, чтобы проверить весь список из огромного количества намеченных розыскных мероприятий. А тут вдруг оперативник готов потерять пару часов, чтобы просто отвезти его к свидетелю, от которого никакого толка нет. Может быть, майор Сладкевич потерял уже интерес к своей работе и просто теперь имитирует бурную розыскную деятельность. Ведь в бумажном отчете польза от поездок и разговоров не заметна, да и начальству часто все равно, как будет раскрыто дело – тщательными оперативными действиями или ворохом исписанной бумаги. Найти ответ Гуров не успел, с ревом старенькая иномарка ворвалась на больничный двор, распугав голубей. Лев Иванович нырнул на пассажирское сиденье рядом с водителем:

– Ого, ты – шумахер, отсюда до отдела километров десять расстояния. Ты что, сотню километров выжимал из своей старушки?

Сладкевич сосредоточенно крутил руль, выбирая дорогу в густом потоке транспорта. Небрежно ответил:

– Да еще не добрался до отдела, рядом тут как раз проезжал. Вы уже в городе начали осваиваться – быстро!

Гуров пожал плечами:

– На своих двоих это быстрее происходит, да тут и не запутаешься, районов немного.

Сладкевич усмехнулся:

– Точно, забыл, что вы из столицы. У вас там таких, как Ростов, поди сто районов.

– Повидаешь еще Москву сам, решишь, где лучше, – Гуров вернул его к деловому настрою. – Новости есть по пропавшим? Афанасьев никак себя не проявил?

Павел махнул искалеченной рукой:

– Тихо все. Машина Хваловой теперь у экспертов, но так же, как и с Рыковой, – глухо. Ни следов, ни улик. Еще вода эта все смыла, они даже не могут сказать, исправный был автомобиль или нет, как его в воду направили. Девочку, кстати, дочку Людмилы Рыковой, сегодня заберет сотрудник опеки на временное содержание. Бабушке я участкового вызвал. Пускай решает, куда ее определить, в больнице, может, получше станет старушке.

– Ты когда с ней разговаривал, она более вменяемой была? – уточнил Гуров.

Коллега снова пожал плечами:

– Да она так рыдала, что и половину слов не разобрать было. Кое-как у нее узнал, что дочка звонила, когда с работы вышла.

Гуров задумался о том ворохе документов, что нашел в коробке с вещами Рыковой. Он так их и не просмотрел, а ведь там может быть важная зацепка, указание на то, с кем и во сколько планировала встретиться Людмила. Он с досадой нахмурился: так увлекся придумывать план против Афанасьева, что совсем позабыл о вот такой методичной скучной работе. И все же часто именно нудный и кропотливый труд в архивах, с бумагами, помогает понять мотивы, отыскать документальное доказательство связи между жертвой и преступником. Он отвлекся от разговора со Сладкевичем, а когда вернулся в реальность, тот уже рассказывал о чем-то своем, наболевшем, лицо мужчины было опять хмурым, а пальцы вцепились в руль:

– Красивый район, а из-за этого теперь даже крюк делаю, чтобы не видеть. Вот моя квартира была, с краю. Утром встанешь, и река перед тобой, простор, город шумит. Красота такая, хоть ложкой ешь. Хотя жене и не надо было этого, только деньги, деньги. На ногти, на ресницы, на платье.

– Она красивой хотела быть, все женщины к этому стремятся, – Гуров попытался успокоить огорченного воспоминаниями Павла.

Но тот отмахнулся:

– Ага, только не для меня, а чтобы кого получше найти. Чтобы еще больше платьев да туфель этих купить. В итоге что хотела, то и получила.

Последние слова он буркнул под нос и уставился на дорогу, раздраженный потоком машин вокруг, бесконечным переливом гудков и медленным движением по мосту. Он оказался прав: дорога до временного дома для осиротевших детей заняла много времени. Возле вытянутого в длину обшарпанного дома Павел выдохнул с облегчением:

– Добрались.

Дежурная воспитательница с волосами, собранными в тугий хвост на затылке, недовольно протянула:

– Давайте только побыстрее. Я обязана присутствовать на разговоре, а у меня дел своих полно. Обед еще скоро.

Лев кивнул согласно, вполголоса предложил напарнику:

– Ты не жди, опоздаешь на работу. Я сам доберусь, дорогу примерно понял.

Тот вдруг зло отрезал:

– Тоже поприсутствую, может, что расскажет малец.

Вот только при виде незнакомых мужчин мальчик опустил взгляд вниз и вцепился добела пальцами в край стола. От назидательного тона воспитательницы он напрягся еще сильнее:

– Давай, ну же, не тяни время, тебя взрослые спрашивают – надо отвечать. – Мальчишка опустил голову так, что вздулись вены на крепкой шее.

Гуров, в отличие от воспитательницы, его не торопил, задал вопрос-другой и молча ждал ответа. Ее монотонный бубнеж «отвечай, что ты молчишь» долбил по вискам. На соседнем стуле ерзал от нетерпения Сладкевич, который то и дело смотрел на часы, но мальчик упрямо молчал, даже не поднимал глаза на посетителей. Лев тем временем внимательно рассматривал его, пытаясь заглянуть пониже, туда, где спряталась курносая мордашка. Он никак не мог отделаться от какого-то звенящего чувства, сигнала, который нарастал внутри. Будто в детской игре, когда ты приближаешься к разгадке и кто-то кричит: «Горячо, горячо!» Сейчас он чувствовал этот разгорающийся огонь, смутное ощущение, что вот только что увидел нечто важное, буквально чуть-чуть осталось до разгадки. Все же никак не мог понять, что особенного в этом обычном десятилетнем мальчике? Чуть крупноват для своего возраста, вырастет и превратится в атлетически сложенного мужчину. Лицо с четкими линиями и большими глазами тоже обещает, что мальчишка станет симпатягой. Он сам не заметил, что все ближе и ближе наклонялся над столом к детскому опущенному вниз лицу. Тот вдруг вскинул испуганный взгляд, лицо исказилось в гримасе испуга, он подскочил на месте и бросился к двери. Воспитательница застучала каблуками стоптанных туфель следом, бросив на ходу:

– Ну, что попало устроили тут, сейчас еще истерику закатит! Все, хватит!

Гуров не выдержал и пробурчал под нос:

– Черт, перед полицией психологи должны сначала работать со свидетелями. Как в стену стучишься.

Его коллега поддакнул:

– Это точно, рыдают да кричат. Говорил же, толку не будет от мальчишки, – охотно вскочил с места. – Ну что, поехали обратно?

Лев нахмурился:

– Езжай, я задержусь. Попрошу, чтобы воспитатель вышла из комнаты. Может, без нее начнет говорить. Пускай проплачется сейчас.

Тревожное ощущение его не отпускало, оперу хотелось сосредоточиться на собственных внутренних сигналах, поймать ускользающую мысль.

Как неожиданно сговорчивый обычно Сладкевич внезапно остановился и упрямо заявил:

– Я вас одного не оставляю. Хоть что мне говорите, хоть приказывайте, хоть рапорт на меня пишите. Нет! Мне одного раза хватило. Чуть на тот свет не отправились, я больше такого не допущу. Плевать на этого Афанасьева, пускай ждет сколько нужно. Так и знайте, я за вас отвечаю, как за себя. Поэтому второго раза не будет, случись чего снова, и как мне начальнику вашему в глаза смотреть! Меня с работы попрут, да и сам я уже... – Павел растерял окончательно все слова и только продолжал крутить головой на короткой шее.

От его несчастного лица, искаженного страхом, в капельках пота на висках, Льва передернуло, он хотел отказаться, возразить... И не стал, из-за двери вылетела воспитатель и накинулась на оперов:

– Посмотрите, что вы устроили. Я хотела вернуть его, а этот мерзавец мелкий порвал мне платье! Сильный, как взрослый мужик. Так, в общем, приходите с психологом или педагогом, кто там у вас умеет обращаться с этими идиотами. Я больше терпеть такое не буду. Все, у нас время обеда.

– Ладно, ладно, – Лев с досадой направился к двери, на ходу раздражаясь еще сильнее от происходящего. Сладкевич поспешил за ним.

В салоне машины Гуров раз за разом возвращался в мыслях к моменту, когда сын Хваловой поднял на него глаза. У него снова будто что-то шелкало внутри, но поймать мысль опять мешал бубнеж Павла, бесконечное гудение вокруг, полуденный зной, от которого не спасал слабый ветерок тархтящего вентилятора на приборной панели. Опер твердо решил, что после того, как они разберутся с Афанасьевым, он обязательно вернется в приют и поговорит еще раз с сыном Надежды.

По возвращении все размышления загасила рутина работы. Он снова был в темной комнате за зеркальной стеной, наблюдая за допросом. По ту сторону Сергей Афанасьев теперь сидел в компании своего адвоката – самоуверенного мужчины в пиджаке, который слегка нависал над столом широкими плечами, будто выстраивая живую преграду для вопросов опера. Сладкевич на другом конце стола с озабоченным видом перебирал свои записи. С досадой Гуров понял, что из-за долгой поездки опер к допросу не готов и теперь лихорадочно соображает, с чего начать атаку. Адвокат передернул плечами под тонкой клетчатой тканью и уточнил:

– Это новый вид бесед? Без слов?

– Сейчас, – пробурчал Павел, от насмешки пальцы здоровой руки начали дрожать, а непослушные страницы протоколов и заявлений совсем перестали его слушаться.

Юрист уже с раздражением протянул:

– Заканчивайте свои оперские фокусы, господин майор, я не первый год работаю и все эти ухищрения ваши знаю наизусть. Опоздать на час, в молчанку играть. Надеетесь психологическим давлением выбить признание? Его не будет, мой подзащитный ни в чем не виноват. Визит – лишь формальность, чтобы не нарушать режим домашнего ареста до момента передачи разбирательства в мировой суд. Кстати, бумаги отправлены, как я вчера и просил? Или по-прежнему понятие «сроки» для вас пустой звук, а не часть закона? И вы понимаете, и я знаю, как только дело от вас уходит, то сложновато будет Сергея каждый день в эту комнату гонять. СИЗО закончится, ваша власть тоже.

– Отправил я ваши бумажки, – огрызнулся загнанный в угол Сладкевич. Он выглядел совсем измученным, по лицу пошли пятна, рот перерезал лицо кривой бледной полосой.

– Отлично, – голос защитника набрал мощь, разлетаясь по небольшому помещению. – Тогда я не понимаю оснований для нашего нахождения здесь. А-а-а, понял! Вы хотели принести извинения гражданину Афанасьеву за причиненные неудобства и допущенные ошибки во время следствия! Вы же сорвали сроки, многократно привозили моего подзащитного для бессмысленного нахождения в здании РОВД. Нарушали правила следствия. Правильно, товарищ майор, мыслите. Вы приносите извинения, мы не подаем жалобу на неправомерные действия сотрудника отдела уголовного розыска.

Сладкевич побагровел и почти сорвался на крик:

– Ничего я не хотел извиняться, это допрос официальный. Он – главный подозреваемый. Пропали три его бывших жены, а теперь и четвертая то ли исчезла, то ли вообще погибла! Единственный, кому это выгодно, это Афанасьев!

Адвокат вскинулся в ответ:

– И у вас есть заявления от родственников об их исчезновении? Можете показать? Хотелось бы узнать, кто и при каких обстоятельствах пропал?

Павла пошатнуло, как от неожиданного удара, он снова опустил голову в бумаги:

– Все есть. Вы меня работать не учите. Отвечает пускай на вопрос ваш подзащитный. Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения.

Ручка замерла над строчками протокола. Только вошедшего в раж адвоката было не унять:

– Вы что, надеетесь, что родственники напишут заявления? Ваша Дубровкина алкоголичка, пациент десятка наркологических клиник. Да кому она нужна, серьезно?! Она ушла в очередной загул, родня с облегчением вздохнула, а в ее исчезновении вы хотите обвинить моего клиента? Они не виделись с момента развода! Дубровкина даже не участвовала в коллективном иске, там нет ее фамилии! Гражданка Дубровкина не нужна и не интересна Сергею Сергеевичу, он ее не похищал, не убивал, больше того, не видел с февраля прошлого года, когда они получили свидетельство о разводе. – Защитник даже привстал, распаяясь все больше. Он явно отрепетировал речь, которую потом можно будет повторить, если органы все-таки смогут дотащить обвинение до суда. Если они вообще смогут собрать основания для обвинения. – А

Заицкая Марина? Может быть, женщина просто сейчас загорает со своими детьми и мужем за границей? Вы проверили аэропорты, подали запрос в визовый центр? Она прожила в Испании много лет, у нее гражданство другой страны. Заицкая могла просто уехать отдыхать на постоянное место жительства! Нет же, вы снова пытаетесь обвинить господина Афанасьева в ее исчезновении. Да было ли оно, это исчезновение? Женщина уехала со своей семьей на отдых, а вы, словно какие-то старухи-сплетницы, придумали фантастическую историю о Синей Бороде, который убивает бывших жен. И пытаетесь ее криво-косо сшить белыми нитками. Тело Рыковой найдено? Нет! Вы уверены, что она не вышла замуж, не уехала в командировку или в гости, а ее сумасшедшая мать просто не раздула истерику на пустом месте?

Опер попытался остановить поток обвинений. Он наклонил голову, напрягнув короткую бычью шею:

– Это все вопрос времени, оперативно-розыскные мероприятия ведутся. Основания есть! Надежда Хвалова, еще одна бывшая жена, по предположениям следствия, убита. Так что имеем право подозревать. Будут доказательства и по другим пропавшим, работа ведется. Не надо мне тут... – Павлу, как всегда, не хватило слов.

Он грозно припечатал кулаком задравшийся край протокола, правда, движение вышло нелепым из-за перекошенных, слабых пальцев. Майор судорожно дернулся не то от боли в ладони, не то от дурацкого жеста, и снова грозно повторил:

– Гражданин Афанасьев, давайте по порядку, по протоколу. Имя, фамилия, отчество, дата рождения.

Молчавший до сих пор Сергей, сегодня еще более идеальный, в ладно сидящем костюме из мягкой ткани, будто очнулся ото сна. Он медленно протянул, не сводя глаз с опера:

– Афанасьев Сергей Сергеевич, – и вдруг, не договорив, остановился. Привстал со своего места, качнулся, переспросил удивленно. – Надежда? Надя? Она пропала? Вы, вы уверены? Давно?

Сладкевича совсем захлестнула ярость, он побледнел и перешел на злой хрип:

– Не Надя, а гражданка Хвалова! Она тебе не жена больше, а посторонний человек. Это раз! А во-вторых, не надо комедию ломать, когда, куда, зачем. Я вопросы задаю, понял?! Сел и рот открываешь, когда я разрешу!

Защитник дернул Афанасьева за рукав, усаживая того обратно на стул:

– Товарищ майор, я прошу вас быть вежливее. Что за полицейский беспредел? Задавайте вопросы по делу, мой клиент...

Афанасьев вырвал рукав из цепкого захвата, шагнул из-за стола к оперу:

– Подождите вы! Когда она пропала? Кто сообщил?!

Сладкевич проревел в бешенстве:

– А ну, на место свое сел, руки на стол! Я сейчас в браслеты тебя одену! Сел, я сказал!

Защитник, растеряв весь пафос, позабыв о репетиции речи для зала суда, бросился усаживать своего клиента обратно:

– Сергей, да что с вами? Присядьте! Он сейчас нам все расскажет. Успокойтесь! Воды, может быть, вам?

Тяжело дышащий мужчина присел на краешек стула и в нетерпении уставился на опера:

– Ну, когда она пропала?

Адвокат успокоительно похлопал его по плечу:

– Отвечайте на вопросы по порядку, Сергей. Вы же знаете формальности.

Афанасьев сбросил его руку с плеча, раздраженно процедил свои данные, а потом вдруг выкрикнул:

– Так когда? Кто сообщил? Говори!

Павел нехотя бросил:

– Чего строишь из себя дурачка! В машине ее утопил сам ведь! Других как порешил? Тоже утопил – и концы в воду? Водолазы ведь рыщут, найдут тела и тебя на пожизненное закроют. Пиши чистосердечное, тогда хотя бы по УДО выйдешь, лет через десять. Защитник твой постарается, нарядит, скажет, что говорить, судью-бабу найдет, чтобы она от тебя, как снеговик, растаяла. Костюмчиков себе в тюрьму наберешь, чтобы на заседания суда ходить.

В комнате для допросов поднялся жуткий гвалт. Адвокат снова принялся усаживать Афанасьева, цитируя в сторону опера строчки из статей Административного кодекса. Сам же Сергей, бледный, с напряженным взглядом, пытался схватить Сладкевича за рукав, повторяя один и тот же вопрос:

– Когда, когда она пропала?

Павел тянул скрюченную ладонь к стене, пытаясь нажать на кнопку вызова помощи.

Лев, невидимый, скрытый серебром зеркальной части, нажал тумблер, и крики, ругательства, цитаты стихли. В темном пространстве повисла тишина, а в желто-белом прямоугольнике, будто на сцене театра, развивалась дальше драматическая сцена. В комнату ворвался дежурный с шокером и наручниками наперевес. Он накинул браслеты на Афанасьева, тот покорно подставил запястья, его губы по-прежнему шевелились в немом вопросе. Адвокат метался от опера к дежурному, размахивал руками, качал головой. Сладкевич неуклюже собирал разлетевшиеся по столу бумаги. Но Лев не обращал внимание и уже не злился, что его напарник так топорно проводит беседу с подозреваемым. Он без отрыва смотрел на лицо Афанасьева, впиваясь взглядом в каждую черту, в каждое движение: «Он ведь чем-то напуган или шокирован очень сильно. Бледный до испарины, не слышит никого. Его волнует только одно – исчезновение Хваловой. Никакого высокомерия, чистый неприкрытый страх. Неужели играет? Но для чего? Никаких доказательств его вины нет, о ее смерти он знает, если он – виновник этого события. Что его так шокировало? Что-то пошло не по плану? Не думал, что так быстро найдут? Или не хотел, чтобы нашли тело? Или рассчитывал, что в ее смерти обвинят меня?»

В сыщике снова затеплилась надежда: «Наверное, женщины живы. Афанасьев держит их где-то, а машины оставляет специально, чтобы раздуть шумиху и напугать остальных возможной опасностью для пострадавших. Нет, он не убийца, он – мошенник. Хитрый и расчетливый, продумал каждый шаг так, чтобы похищения было трудно доказать. И все же он не убил, не смог бы. Кишка тонка, вон как трясется, растерял и улыбочку, и манеры».

Еще буквально десять минут назад за столом сидел уверенный мужчина с аккуратной, волосок к волоску, укладкой, до блеска выбритый. Он насмешливо наблюдал за спором опера и адвоката, иногда кривя губы в скрытой улыбке. В целом же ему было все равно, чем закончится их спор, ведь он был уверен, что скоро выйдет отсюда опять победителем, свободным от всех обвинений. Афанасьев посматривал на зеркальную поверхность не для того, чтобы рассмотреть, кто засел по ту сторону, а лишь чтобы оценить, насколько эффектно сидит на нем новый костюм. Пока адвокат бодался с сотрудником, он расстегнул одну пуговицу, убрал невидимую пушинку с лацкана. Следующий взгляд был на ногти, отполированные, чистые, с идеальными розовыми полукружиями. А тут внезапно от одного упоминания о пропавшей Хваловой мужчина потерял контроль над эмоциями, уверенность в себе. Забыл предупреждения и уроки адвоката, наплевал на свой смявшийся пиджак. Только один вопрос волновал его: «Когда она пропала?»

Красный, растрепанный Сладкевич что-то выкрикнул беззвучно и вслед за дежурным ушел из комнаты для допросов. Гуров с нетерпением кинулся к двери, но Павел неожиданно грубо затолкал его обратно:

– Ну куда, увидят же. Вы так-то на больничном. Хотите, чтобы у меня проблемы были из-за того, что вас на допрос протащил?

Лев отмахнулся, напарник явно в раздражении, его разозлила совместная атака Афанасьева со своим защитником. Но именно сейчас, когда эмоции зашкаливают, надо продолжать

допрос. В таком состоянии подозреваемый сделает ошибку, ляпнет лишнего. Потеря контроля – это то, что поможет узнать правду. Он перехватил майора под локоть и вполголоса торопливо заговорил:

– Возвращайся, сейчас. Давай, добивай его, он сломался! Не обращай внимания на адвоката, тот специально тебя цепляет. Плевать на него. Ты видишь, ты попал в точку, Афанасьев в шоке от новости! Мы ведь не нашли тела, может быть, женщины живы и он их прячет. Поэтому так удивился, когда ты сказал, что Надежду убили. Не рассказывай детали, спрашивай его, когда последний раз виделся с каждой из пропавших. Пообещай ему отпустить под домашний арест, если расскажет все честно. Нам нужно узнать место! Он не убивал их, женщины живы! Посмотри, он же не в себе.

Гуров ткнул пальцем в обмякшего, растерянного Афанасьева за стеклом. Адвокат что-то тихо выговаривал подзащитному на ухо, нажимая на плечо ухоженной ладонью, стараясь привести своего клиента в чувство. Только Сергей, казалось, его не слышал, он обмяк, взгляд застыл, всматриваясь в одну точку, рука неловко пыталась расстегнуть пуговицы на белой рубашке, но промахивалась раз за разом. Сладкевич скривился:

– Актеришко чертов! Он мне этот спектакль уже показывал! Никакого у него шока нет, он их убил! Чуйка у меня оперская. Это он!

Лев поддержал напарника:

– Тем более, давай добивай его. Надо выжать из него признание.

В ответ Павел тяжело вздохнул:

– Дай хоть отдышаться минуту, как собака с утра, воды глотка не сделал. Видеть его не могу, придушил бы своими руками.

Мужчина жадно припал к бутылке с водой, сделал несколько глотков, а потом переспросил:

– Ну что, мурыжу его дальше? Через час уже бобик приедет, там ребята ждать не будут.

– Да, – подтвердил Лев. – Закончишь с ним, отведешь меня сначала в машину. Браслеты накинешь, только не замыкай. Потом Афанасьева в машину. Скажешь, что за нападение на полицейского задерживаешь его на двадцать четыре часа.

– Да его адвокат не успокоится, пока его не вытащит. Ночи в СИЗО Афанасьеву просидеть не позволит, начнет Москву требовать, – заворчал Павел.

Гуров остановил его:

– Ничего страшного, мне главное сейчас с ним в машине контакт поймать. Пока он в шоке, поверит мне. Я отлучусь на час, кое-что приготовлю. Буду тебя на улице ждать. Если даст чистосердечное, то звони, я сразу подключусь в открытую.

Уставший, мокрый от напряжения, Павел угукнул в ответ и тяжело пошел обратно в комнату, где его ждали подозреваемый с защитником. Лев тоже вышел из комнаты для наблюдения, напоследок бросив взгляд на Сергея. Тот по-прежнему сидел будто оглушенный, не замечая ничего вокруг. Губы его перестали шевелиться, руки обвисли безвольно, а лицо словно постарело на десяток лет. Гуров долго всматривался в потухшие глаза, но так и не смог понять, что произошло с самоуверенным Афанасьевым. Его лицо, застывшее тяжелой каменной маской, стояло перед глазами опера всю дорогу из РОВД до ближайшего крохотного торгового центра. Там Лев торопливо выбрал в магазине набор косметики, оплатил на кассе, ежеминутно поглядывая в телефон: не звонил ли Сладкевич?

С пакетом в руках он прошел в глубину торгового зала, где на крючках и плечиках висела одежда. Ухватил первую попавшуюся рубашку и нырнул в проем под светящимися буквами «Примерочная».

Кассирша на стойке в глубине зала проводила взглядом торопливого клиента, а потом сразу же отвлеклась на протянутые для расчета купюры. Очередь к ней становилась все длиннее: был сезон распродаж, и люди азартно примеряли, выбирали и покупали то, что манило

их перечеркнутыми цифрами на ценниках. Кассир рассчитывала одного покупателя, а за ним уже успевало выстроиться трое с руками, увешанными рубашками и футболками. Она почти забыла о странном посетителе, который скрылся за шторой кабинки больше получаса назад.

Гуров тем временем густо размазывал тени кисточкой по веку, потом рядом со скулами. Мысленно он досадовал, что грим выходит такой ненатуральный, неправдоподобный. Если бы он был в родном управлении, то девчонки во главе с Верочкой давно бы уже нашли все средства для его преображения. А здесь, на чужой земле, приходится идти на ухищрения, чтобы просто сделать свою работу оперуполномоченного.

Наконец он всмотрелся в отражение напротив: на него смотрело собственное лицо, обезображенное фиолетово-багровыми следами от ударов. Ссадины и гематомы пугающе выглядели в тусклом свете кабинки для примерки. Казалось, что Льва так избили, что лицо превратилось в сплошной синяк. Он осторожно провел пальцем по уху и чертыхнулся – тени мгновенно прилипли к влажной коже, а красное разбитое ухо побледнело. Грим получился недолговечный, но в спецтранспорте практически нет света, поэтому Афанасьев не успеет различить имитацию. Он аккуратно поставил на пуфик коробочку с тенями и парочку помад сливового цвета, пускай заберут себе сотрудницы магазина – хоть какая-то компенсация за то, что он почти час использовал их примерочную в качестве личного кабинета, а еще за шок, который у них сейчас вызовет его появление.

Когда из примерочной вышел недавний посетитель, избитый, в кровоподтеках и ужасных кровавых царапинах по всему лицу, кассирша выронила сдачу на пол. Очередь ахнула, по залу пронеслись женские вскрики, посетители замерли как один, провожая жуткого визитера глазами. Покупательница, что стояла первая у кассы, повернулась к сотруднице:

– Ну что же вы стоите? В «Скорую» надо! Звоните в «Скорую»! Человеку плохо, у него же кровь!

Девушка кивнула, принялась шарить по стойке возле компьютера, потом вспомнила, что ее телефон остался в служебной комнате. Она вскинула взгляд на очередь из людей: все в толпе прилепились испуганно к кассовой стойке, прижимая свои покупки к груди, будто в попытке защититься платьями и джинсами от кошмарного видения.

– Вызовите «Скорую» кто-нибудь! Пожалуйста! – выкрикнула она.

Только женщина уже уложила перед ней кучу из разноцветных тканей:

– Поздно, он уже ушел. Давайте пробивайте. Охрана вызовет на входе.

Но ни охрана, ни другие посетители на Гурова внимания больше не обратили. Он догадался повыше поднять воротник куртки, утопив в нем половину разукрашенного лица, и опустить голову как можно ниже, чтобы никто не мог ужаснуться при взгляде на его ссадины и синяки. На улице и в этом отпала надобность – на город опустился теплый вечер и окутал улицы густой дымкой сумрака. В желтом свете фонарей на ходу почти никто не успевал рассмотреть пугающий грим, прохожие лишь бросали запоздало внимательные взгляды на спешащего мимо них высокого мужчину, одетого не по погоде.

Глава 5

Возле районного РОВД Лев сразу заметил работающую машину из СИЗО, у спецтранспорта стояли два молодых парня в форме. Караульные лениво обсуждали что-то, перебрасываясь редкими фразами. При виде Сладкевича, который вышел на крыльцо, оба с готовностью задвигали дверями, открыли заднюю дверь для входа заключенных в ячейку камеры. Они уже явно давно изнывали от безделья во дворе РОВД, мечтая поскорее вернуться в свою дежурку и закончить на сегодня рабочие дела.

Гуров вынырнул из тени и перехватил Павла, который шел, уткнувшись в телефон. Тот, по-прежнему хмурый и подавленный, вскинулся при виде Гурова:

– Это кто вас так, товарищ полковник?

Гуров одними глазами указал на замершую в любопытстве охрану, и напарник понимающе кивнул. Он накиннул наручники Льву на запястья, соединив кольца без характерного щелчка. После того как крепкий силуэт опера исчез за серой дверью спецмашины, оперуполномоченный подошел к сопровождающим:

– Ребята, вот этого первого высадите перед воротами без лишних вопросов. Будет еще один, с документами на имя Афанасьева, через пару минут выведу. Его закрываем, все как положено, – он оглянулся на узкие окошки с густой решеткой. – И это, присматривайте там за ними. По объездной прокатите не торопясь, чтобы время им дать потолковать.

Совсем еще юный паренек с нашивками сержанта кивнул серьезно – выполним приказ. Он заговорщически шепнул:

– Говорят, у вас Москва на уши весь отдел поставила? К нам не собираются с проверкой, не слышать?

Майор отмахнулся:

– Это наши дела, к вам не полезут. Главное, тут не напортачьте, все как приказал. В оба смотрите. Если что, самые строгие меры.

– Так точно, товарищ майор, – бодро отозвался сопровождающий уже в удаляющуюся спину опера и тут же подтолкнул локтем напарника в бок: – Слышал? К нам не поедут, пронесло. Можно сегодня расслабиться. Ты в машине убрался? Подсадной еще накапает, если там чего найдет, – он понизил голос, поглядывая на силуэт в зарешеченном окне.

Его напарник зевнул:

– Да протер я все тряпкой, бутылки повыкинул. Ну чего ты трясешься, у них своя операция, плевать им на клетку. Сказал же опер, нас проверять не будут.

Парень бросил обеспокоенный взгляд на Сладкевича, который теперь вел через дворик высокую поникшую фигуру, и пробормотал под нос:

– Они все так говорят, проверяющие эти. А потом – то не по инструкции, это не по правилам. Найдут к чему прикопаться. Ладно, открывай, заводим.

Они привычно распахнули двери, подтолкнули мужчину в костюме в зияющий темной проем. Один из караульных нырнул следом. Щелкнули наручники, и Сергей Афанасьев оказался пристегнутым к металлической опоре сиденья стальными браслетами. Напротив него в похожей позе скрючился Лев Гуров. Задержанный мазнул по нему равнодушным взглядом без интереса, опустил взгляд к своим ногам и больше его не поднимал, о чем-то крепко задумавшись. Хлопнула тяжело дверь, тусклая лампа под крышей машины почти погасла, и двое заключенных оказались в полумраке, который разбавляли проплывающие лучи от фонарей снаружи. Голоса охранников слились в неразборчивое бормотание за бронированной толщиной стен. Еще один хлопок – сопровождающие заняли свои места в караульном отсеке. Пол со стенами плавно начал покачиваться – машина тронулась, выехала со двора, а дальше выкатилась на черную асфальтовую полосу дороги. Водитель, как и было приказано, направил транспорт

по другому, более длинному маршруту, несмотря на то что в вечернее время почти все автомобили уже стояли на парковках. За окном промелькнули высокие здания, а потом шум города стих, на старой окружной дороге только деревья изредка ударили ветками по грязному стеклу заднего отсека.

В полумраке Гуров прохрипел в сторону фигуры напротив:

– Че, урод, тоже в СИЗО? Думал, отмажешься со своим адвокатишкой? Я тебе такое устрою в камере, ты во всем сразу признаешься.

Афанасьев напротив вздрогнул, вытянул шею, пытаясь рассмотреть случайного соседа:

– Что? Вы о чем? Мне не в чем признаваться. Вы кто такой? Мы с вами общались?

Гуров от удивления растерялся на пару секунд: прав был Сладкевич, актер из Афанасьева невероятный. Очень убедительно сейчас изобразил, что никогда не видел оперативника и не понимает, о чем тот ему говорит. Лев спохватился на крутом повороте:

– Ты из себя невинность не корчи, Афанасьев. Ты меня, сука, подставил. Я все знаю. Хвалову ты пришил, меня чуть на тот свет не отправил. Только я живучий, не по зубам тебе. Хотел на меня свалить ее трупак? Думал, приезжий лошок? Остальных тоже на меня решил повесить? Не получится!

Гуров вывернулся так, чтобы тусклое пятно света через решетки упало на его обезображенное лицо:

– Смотри, урод, смотри. У тебя такая же рожа будет. Только ты во всем признаешься у меня сегодня в камере, как убивал, когда, куда тела спрятал. Что Хвалову ты пришил, что меня в реке утопить попытался. Про каждого расскажешь. И чистосердечное напишешь кровью, что это ты Хвалову грохнул, а меня подставил. Связал, вместе с ней в машине утопил. Не вышло по-твоему, придурок. Думал, самый умный? Я выплыл, понял?! И твоих ментов продажных, и твоего адвоката тоже уделаю!

– На... на... Надежда, она... ты что? Она мертва? Убита? – Афанасьев метался по скамейке, сдерживаемый наручниками. – Я не убивал ее! Что ты несешь? Ты кто такой вообще?! Откуда ты меня знаешь?

Лев вцепился в него взглядом, вкрадчиво пообещал:

– Скажи, где остальные? Где ты их закрыл? Люда, Соня, Марина, где они? Скажи, где девушки, мы разберемся без крови. Или тебя ад ждет в камере сегодня.

– Я не знаю! – выкрикнул Афанасьев, в его голосе звучало отчаяние. – Я их не трогал! Да поверьте же мне! Надя, где Надя? Она что, правда мертва? Ты не лжешь? Скажи! Когда все произошло?

Лев разозлился от его наглой лжи, актерского кривляния даже перед избитым человеком:

– Ты чего, дурака из меня решил сделать? Хотел убить, подставить, Хвалову на меня повесить? Конечно, с мертвого мента чужого какой спрос. А теперь, когда я с тобой по-хорошему, предлагаю договориться, помочь, ты идиота из себя корчишь. «Не понимаю, не знаю», – яростно передразнил он. – Адвокатишку своего наслушался? А он тебе говорил, как чистосердечные пишутся? Кровью, понял, кровью. Слышал про такое? Рожу разукрасят, как мне, и ты во всем признаешься. Умолять будешь, чтобы дали карандашик и бумажку. Совершал, не совершал, там уже плевать будет, – он вытянул шею так, чтобы его нарисованные гематомы были совсем близко к Афанасьеву. – Видишь, не рожа, а мясо. Три часа били, пока я не подписал признание по Хваловой. А я свой – мент, правила знаю. Не повезло на чужой земле подставиться. Ну ничего, выберусь, а тебя утоплю в дерьме, как Надьку эту. Утонешь так, что и никто не поможет. Ни деньги, ни адвокат твой. Я знаю, куда ты тела спрятал, догадался. Всех в реку, как и Хвалову, спустил. И ты расскажешь у меня, назовешь это место. Местные рады будут, им все равно, на кого вешать трупы. Лишь бы палки в отчете поставить да премии от начальства получить. Держи, урод, чернил тебе на чистосердечное!

Лев изловчился и с размаху врезал лбом прямо в центр холеного лица. Он успел почувствовать, как на лоб брызнула теплая кровь из разбитого носа. Афанасьев согнулся беззвучно, скрючился в темноте кузова, вытянувшись вдоль лавки. Он замер на несколько секунд, был слышен лишь тихий звон наручников. Лев всматривался в замерший силуэт напротив: неужели вырубился, неужели он переборщил с ударом? Ведь совсем легонько врезал, чтобы напугать подозреваемого посильнее. Не сказать чтобы Гурову эта игра доставляла удовольствие – он всегда предпочитал действовать мозгами, но не кулакам. Но коли ввязался в эту авантюру, приходилось отыгрывать роль разъяренного несправедливым следствием мента.

Вдруг заключенный вскочил во весь рост и заколотил лихорадочно ногами в стену автозака, кулаками по зарешеченному стеклу:

– Помогите, приступ! «Скорую!» Врача!

Гуров затих в удивлении – что за спектакль? Предупреждал майор Сладкевич: Афанасьев – тот еще актер! Только непонятно, для чего все это? Машина тихо начала тормозить, а Афанасьев вдруг рухнул на лавку обратно, согнулся в три погибели и залил пол неприятно пахнущей пеной. Лев подскочил в ужасе, дернулся ему помочь, но тот выгнулся в судороге и с размаху, то ли случайно, то ли намеренно оттолкнул опера длинными ногами. По двери автозака грохнул кулак сопровождающего:

– Что за шум? Чего там устроили?!

– Помогите, помогите, человеку плохо! У него приступ! Его рвет! – теперь Лев ударил пятками в дверь, чтобы привлечь внимание охраны.

Караульный выругался крепко и загремел ключами:

– На пол все легли! Голову вниз!

Он распахнул створку и недовольно поморщился при виде лужи:

– Чего это? – потянул за ногу Афанасьева. – Живой он? Или че, сдох, что ли? Сейчас «Скорую» вызовем. Вот урод, эпилептик, что ли... Черт, машину-то кто мыть будет?

Парень в форме приподнялся на подножку, наклонился и направил луч фонарика в лицо арестанту. Гуров тоже потянулся поближе, чтобы помочь ему – подложить куртку под голову, проверить пульс.

Как вдруг что-то треснуло, темноту расчертила яркая белая полоса, и охранник со стоном рухнул на асфальт. Высокая фигура Сергея пружинисто вскочила на ноги. Задержанный сиганул вниз и бросился в сторону от машины в лесные дебри. Лев в два прыжка кинулся следом, прямо в гущу кустов, под крики второго охранника, который выскочил из кабины:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.